

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

С. П. ТОЛСТОВ

«НАРЦЫ» И «ВОЛХИ» НА ДУНАЕ

(Из историко-этнографических комментариев к Нестору)

I. Текст Нестора и теория Шафарика

Среди теорий этногенеза славян, выдвинутых в славянской литературе, древнейшей является та, которая нашла себе место в начальной летописи и связывает первоначальную родину славян с бассейном Дуная. Летописный рассказ, вписывающий этногонические легенды славян, впервые зафиксированные летописью, в рамки византийско-библейской всемирно-исторической концепции, возводит этнический корень славянства к „племени Афетову“. „От сих же 70 и 2 языку бысть язык Словенск, от племени Афетова, Нарци, еже суть Словене¹. По мнозех же временах сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех Словен разидоша по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте; яко пришедше седоша на реце имянем Морава, и прозавшася Морава, а друзии Чеси нарекошася, а се ти же Словени: Хорвате Белии, и Серебрь и Хорутане. Волхом бо нашедшем на Словени на Дунайския, и седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша между Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около езера Ильмеря и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и Новьгород; а друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле и нарекошася Север. И тако разидеся Словеньский язык, темже и грамота прозвася Словеньская“². А. А. Шахматов³ и Н. К. Никольский⁴, как известно, возводят этот текст к введенному в состав летописи „Сказанию о начале грамоты Словеньской“.

¹ Подчеркнуто везде нами.— С. Т.

² Лавр., стр. 5—6 (цит. по изд. Археографической комиссии, СПб., 1910).

³ А. А. Шахматов, Повесть временных лет, I, Птгр., 1916.

⁴ Н. К. Никольский, Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I, Л., 1930.

В другом контексте Нестор снова возвращается к вопросу о славянской прародине — в рассказе об апостольской проповеди среди славян, восходящем, видимо, к тому же первоисточнику: „И апостол Павел учил ту: ту бо есть Илюрик, егоже доходил апостол Павел ту бо беша Словене первое. Темже и Словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо“⁵.

Мы видим здесь ту же концепцию первоначального местообитания славян, дополненную ассоциацией с именем Иллирии и, соответственно, некоторым расширением на запад намеченной в отрывке „О начале грамоты“ территории. Летописец явно кладет в основу своего рассказа бытовавшую среди славян, его современников, этногоническую легенду, включающую в себя следующие элементы: а) древнее название славян — нарцы; б) первоначальное расселение предков славян в Иллирии и по среднему и нижнему Дунаю, откуда раньше всего выселяются чешско-моравские племена; в) нашествие „волохов“, результатом которого явилось широкое расселение славян с Дуная на север и восток.

Для нас безразлично в данном случае, лег ли в основу летописи устный рассказ, бытовавший в Киевской Руси, или более ранняя запись западнославянского происхождения, вошедшая в гипотетически восстанавливаемое Шахматовым и Никольским „Сказание о начале славянской грамоты“. И в том и в другом случае в основе текста лежит славянский фольклор, устная этногоническая традиция.

Сказание летописи и концепция дунайской „прародины“ славян были во второй половине XIX в. отброшены исторической наукой, как не вяжущиеся с начавшей к этому времени складываться — на базе развития в применении к славяноведению историко-этнографических построений индоевропейской лингвистической компаративистики и немецкой школы исторической этнографии Европы — иной концепцией славянской прародины, локализуемой к северу от Карпат, а затем и еще уже — в междуречье Средней Вислы и Днепра, главным образом в болотах бассейна Припяти.

Анализ историко-лингвистической литературы по этой группе вопросов показывает, что собственно лингвистические документы играют весьма незначительную роль в обосновании положения об узкой висло-днепровской или припятской „прародине“ славян. Бесконечные колебания в вопросе о локализации этой прародины у такого первоклассного лингвиста — индоевропеиста, как Шахматов⁶, весьма в этом отношении показательны. Лингвисты, и в частности Шахматов, в неизмеримо большей степени, чем это принято думать, базировались здесь не на своих собственных материалах, а на общих соображениях исторического порядка, другими словами — на уже сложившейся к этому времени и настойчиво прокладывавшей себе путь немецкой историко-этнографической школе. Славян локализовали в Пинских болотах по той простой причине, что для них не находилось другого места в Европе: место к западу от Вислы было отведено германцам, бассейн Дуная — иллирийцам, кельтам и тем же германцам, южная полоса России — иранцам и фракийцам, лесная зона к востоку от Белоруссии — финнам. Если до середины XIX в. немецкие авторы энергично отстаивали взгляд о позднем, чуть ли не в V в., приходе славян из Азии (против чего энергично и успешно боролся Шафарик), то после крутой перемены фронта немецкой наукой, вызванной в принятии ею гипотезы англичанина Латама о северноевропейской прародине „индогерманцев“, она перешла к методу своеобраз-

⁵ Лавр., стр. 27—28.

⁶ А. А. Шахматов, К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях, ИАН, 1911, № 9—10; его же, Древнейшие судьбы русского племени, Птгр., 1919.

ной „блокады“ древнего славянства, пока и сами славянские ученые не уверовали в то, что для их предков не остается иного места под солнцем, кроме Пинских болот, устраивающих уже тем, что об этнической принадлежности их древних обитателей ровно ничего не известно.

Характерно, что принявший эту концепцию крупнейший чешский археолог-славист Л. Нидерле⁷ оказался не в состоянии подкрепить ее археологическим материалом, ибо никакой специфической культурной области, которая могла бы быть отождествлена с областью гипотетических праславян, археологически выделить невозможно, и ограничился ссылками на лингвистов и на те же общие „исторические соображения“⁸. Тем не менее эта, по существу весьма зыбко аргументированная, гипотеза (ибо это не более чем гипотеза)⁹ прочно вошла в литературу как незыблемо установленный факт. Мы найдем ее и в русских трудах начала XX в. по истории славянства¹⁰, вплоть до работ ряда советских историков и лингвистов, в частности Готье¹¹ и Селищева¹², и в новейших чешских (Нидерле) и части польских работ, и в новейших западноевропейских и американских сводках¹³.

Советская историческая этнография пробила глубокую брешь в этой концепции — как со стороны методологических основ ее построения, так и со стороны ее фактического обоснования. Лингвистическое учение Н. Я. Марра показало, прежде всего, несостоятельность самого представления об этногоническом и глоттогоническом процессе, господствующего в индоевропеистике, противопоставив ему взгляд о ведущей роли социально обусловленного языкового скрещения, приводящего к качественным трансформациям языков, и возникновения принципиально новых лингвистических общностей, а соответственно и несостоятельность представления о практически искони существе славянском „пранароде“ и его „прародине“, о „расселении славян“, как единственном объяснении дифференциации исторических славянских языков.

Работы советских историков, филологов, археологов и антропологов¹⁴ со всей убедительностью показали вместе с тем, что на всей

⁷ Ср. L. Niederle, *Slovanské starožitnosti*, I, Praha, 1902, стр. 3 и сл., где автор конструирует еще довольно широкую территорию возможной „прародины“ славян — к северу от Карпат, до Одера на западе, Балтики на севере и Дна на востоке; его же, *Rukověť slovanské archeologie*, Praha, 1931, стр. 3 и сл., где он ограничивает область расселения славян около начала нашей эры территорией на западе до Варты или Одера, на востоке — до Десны и Донца, на севере — до линии, тянувшейся от устья Вислы до водораздела Припяти, Березины и Немана, на юге — до Карпатских гор и по линии от среднего течения Днестра до Днепровских порогов, считая вместе с тем «наиболее правдоподобным» сужение первоначальной славянской прародины до района «Восточного Повисленья и Полесья, вплоть до Днепра».

⁸ L. Niederle, *Rukověť...* стр. 26, где автор прямо ссылается на отсутствие достоверных памятников.

⁹ Характерно, что Нидерле так же очень осторожен, рассматривая свое построение лишь как вероятную гипотезу: «Ale i tu je pouhá domněnka. Jistoty není» (*Rukověť...*, стр. 3).

¹⁰ Ср. М. К. Любавский, *История западных славян*, М., 1918, стр. 9.

¹¹ Ю. В. Готье, *Железный век*, М.—Л., 1930, стр. 15 и особенно 31.

¹² А. М. Селищев, *Славянское языкознание*, М., 1941, стр. 5.

¹³ Ср. С. S. Сооф, *The races of Europe*, N. Y., 1939, стр. 216. — Характерно, что Кун ссылается здесь на авторитет Нидерле, якобы прочно установившего припятскую прародину славян, между тем как Нидерле, как мы видели, гораздо более осторожен.

¹⁴ М. И. Артамонов, *Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси*, КСИИМК, VI (1940), стр. 3 и сл.; Н. С. Державин, *Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна*, ВДИ, 1939, № 1; его же, *Происхождение русского народа*, М., 1944; П. Н. Третьяков, *Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза*, КСИИМК, II (1939), стр. 3 и сл.; его же, *Некоторые вопросы этногонии восточного славянства*, КСИИМК, V (1940), стр. 10 и сл.; его же, *Северные восточнославянские племена*, МИА, № 6,

территории своего ранне-средневекового расселения восточные славяне являются потомками древнего местного аборигенного населения, исторические корни которого уходят по меньшей мере в скифскую древность. Ниже мы вернемся еще к этому вопросу. Сейчас, однако, уже ясно, что ставший вопреки осторожным оговоркам Нидерле традиционным взгляд о „припятской прародине славян“ не выдерживает ни лингвистической, ни археологической критики. А между тем только эта концепция да порожденное той же немецкой школой гиперкритическое отношение к народной исторической традиции послужили поводом к забвению текста Нестора.

Новейшие историко-этнографические исследования заставляют в значительной мере пересмотреть этот гиперкритицизм к устной народной историко-генеалогической традиции. С особенной яркостью выступает достоверность народных исторических преданий в подвергнутых за последние полвека детальной перекрестной критической проверке исторических сказаниях полинезийцев, давших возможность восстановить не только общие направления заселения островов Полинезии, но и их относительную и абсолютную хронологию на протяжении полутора тысячелетий¹⁵. Результаты новейших раскопок в Китае реабилитировали достоверность разделов китайских хроник, повествующих о событиях шан-иньского и чжоусского времени и почти целиком базирующихся на устной традиции, насчитывающей по меньшей мере 2 тысячелетия¹⁶ (как известно, китайское летописание восходит только к ханьскому времени). Дешифровка документов хеттских архивов позволяет говорить о возможности восстановления исторического зерна в гомеровском эпосе¹⁷.

Еще Иакинф Бичурин, а в последнее время А. Н. Бернштам установили наличие исторического ядра, восходящего к III в. до н. э., в отделенных от него полутора тысячелетиями средневековых тюркских историко-генеалогических сказаниях об Огуз-кагане¹⁸. Наконец, и русские славяне еще в конце XII в. помнили „века Трояни“ и „время Бусово“, т. е. походы императора Траяна против фракийцев-даков (отметим это себе, чтобы вернуться в дальнейшем к этой теме)¹⁹ и поражение антского вождя Боза (или Божа) готами²⁰, т. е. события II и IV вв. н. э., не отраженные летописью и жившие около тысячи лет в устной славянской традиции²¹.

Мы можем, пожалуй, и объяснить стойкость и относительную достоверность народных устных историко-генеалогических преданий. Суть дела именно в генеалогическом элементе этих сказаний, играющем значительную общественную роль в жизни позднеродового

1941, стр. 9 и сл.; Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, СЭ, 1946, № 1, стр. 30 и сл.; А. Д. Удадьцов, Племена Восточной Сарматии II в. н. э., СЭ, 1946, № 2, стр. 41 и сл.; его же, Основные вопросы этногенеза славян, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 3 и сл.

¹⁵ См. Percu Smith, *Hawaiki, the original home of the Maori*, IV ed., New Zealand, 1921; P. H. Buck (Te Rangi Hiroa), *Vikings of the Sunrise*, N. Y., 1938, особенно стр. 21 и сл. Ср. хронологические выводы Гейне-Гельдерна, основанные на сравнительном изучении памятников искусства Океании и В. Азии, „Revue des Arts Asiatiques“, т. XI, № 10, 1937, стр. 177 и сл.

¹⁶ H. G. Creeb, *Studies of early Chinese culture*, L., 1938.

¹⁷ E. Forrer, *Die Griechen in Boghazköi-Texten*, „Orient. Lit. Zeitung“, 27, 1924, стр. 113 и сл.; его же, *Vorhomerische Griechen in den Keilinschrifttexten von Boghazköi*, *Mitteilungen der Deutsch. Orient. Gesellschaft*, 63, 1934, стр. 1 и сл.

¹⁸ Иакинф, *Собр. свед.*, I (1851), стр. 26; А. Н. Бернштам, СЭ, 1935, № 6, стр. 37 и сл.; ср. нашу статью в СЭ, 1947, № 3, стр. 78 и сл.

¹⁹ Н. С. Державин, „Троян“ в „Слове о полку Игореве“, „Сборник статей и исследований в области славянской филологии“, Л., 1941.

²⁰ Идентификацию см. А. А. Шахматов, *Древнейшие судьбы русского племени*, Пггр., 1919, стр. 10, прим. 1.

²¹ Автор „Слова“, конечно, не читал Иордана, единственный наш литературный источник, повествующий о последнем из этих событий.

общества, когда генеалогия становится важнейшим регулятором браков и вместе с тем отношения генеалогического старшинства получают огромное значение в повседневных взаимоотношениях между племенами, родами и их подразделениями. Правда, последнее влечет за собой и стремление к созданию фальсифицированных генеалогий, но, с одной стороны, возможность фальсификации ограничивается неумолимой критикой общественного мнения, с другой,— чтобы быть признанной, фальсификация должна неизбежно приспособляться к общепринятой генеалогической концепции. Конечно, в процессе своего бытования генеалогия с неизбежностью обрастает мифологическими мотивами, переживает разнообразные деформации, обусловленные общими закономерностями развития фольклорной традиции, однако при условии тщательной исторической критики она должна рассматриваться как ценнейший исторический документ, нередко проносащий через тысячелетия память о никак не отмеченных письменными памятниками событиях.

Появление письменности влечет за собой резкое изменение в общественной роли устной историко-генеалогической традиции. Она перестает быть первостепенной общественной значимости документом, отесняясь появляющимися хрониками и писаными генеалогиями на второй план, не говоря уже о том, что распад родоплеменных связей вырывает из-под нее самое породившую ее почву. Незафиксированные своевременно в литературных памятниках историко-генеалогические сказания сохраняют характер только фольклорных, т. е. устно-литературных фактов, и целиком подпадают под действие законов развития фольклора, быстро утрачивая первоначально присущие им элементы подлинного историзма. Поэтому, чем раньше зафиксировано письменностью устное историко-генеалогическое предание, тем больше шансов рассмотреть за ним его действительное историческое ядро. В данном случае мы имеем дело со сказанием, зафиксированным на самой заре славянской письменности, следовательно, в наиболее благоприятных для нашей задачи условиях.

Мы имеем в новейшей литературе в основном две гипотезы, пытающиеся определить „волохов“ дунайской легенды Нестора. Гильфердинг²² (как и ряд других авторов) видит в них римлян и находит в рассказе Нестора отголосок завоевания Траяном Дакии. Эту точку зрения разделяет и В. О. Ключевский²³. Шахматов еще более сближает время летописца и время описываемых им событий, видя в „волохах“ не более и не менее как франкские войска Карла Великого²⁴. Однако обе эти точки зрения нам представляют совершенно несостоятельными. Русские и славяне вообще никогда не называли римлян или тем более германцев, resp. франков, „волохами“.

В этнографии летописца достаточно четко проводится грань между „волохами“ и „волхъвой“, с одной стороны, и римлянами и франками („фрягами“), с другой,— причем „волхъва“ локализуется где-то на крайнем западе Европы, между англичанами („агняне“), галисийцами („галичане“) и римлянами, т. е. на кельтском западе.

Никаких иных, вне летописного текста лежащих доказательств в пользу идентификации „волохи“=римляне или „волохи“=франки нет.

На деле термин „волохи“—„влахи“—древний и широко распространенный этноним кельтского мира наряду с именами „галл“—„гэл“ (галлы, гэлы, галисийцы, на востоке галаты) и „брит“—„брет“ (бритты,

²² А. Гильфердинг, История балтийских славян, I, М., 1855, стр. 33—34.

²³ В. О. Ключевский, Курс русской истории, изд. V, I, стр. 121.

²⁴ А. А. Шахматов, Повесть временных лет и ее источники, ТОДРЛ, IV, 1940, стр. 29.

бретонцы, на востоке бритолоаги), являющийся одним из главных кельтских племенных названий, доныне живущих в именах Уэльса, Корнуэльса, народности валлонов²⁵.

Историческое зерно сказания Нестора должно быть, следовательно, возведено ко времени, когда действительно имело место широкое завоевательное движение кельтских племен в дунайскую область, „где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска“, — а эти события, по единогласному свидетельству письменных и археологических памятников, падают на время, близкое к IV в. до н. э. (когда крайние восточные аванпосты кельтов прорываются в Грецию и в Малую Азию, а южные осаждают Рим). Так именно и смотрел на вопрос „отец современного славяноведения“ П. И. Шафарик, видевший в летописном сказании отголосок народных воспоминаний о вторжении кельтов в район древних поселений славян в Иллирике, „в нынешней Венгрии, Паннонии, Корутании (Каринтии)“²⁶. Еще раньше это отождествление сделал Добровский²⁷.

Характерно, что польский летописец XIII в. Кадлубек не только передает перекликающееся с несторовым предание о нашествии „влахов“ на обитающих к югу от Карпат славян, но прямо отождествляет „влахов“ с галлами приводимого им рассказа Трога Помпея о нашествии галлов на Италию и Грецию²⁸.

Если движение кельтов в бассейн Дуная около IV в. до н. э. (а может быть, как мы увидим ниже, и несколько раньше) прочно зафиксировано письменными памятниками античности, то вопрос о судьбе коренного населения этой области — тех, кто скрывается под „нарцами“ („еже суть Словене“) Нестора, непосредственно в этих памятниках не отражен. Поэтому неизбежно обращение к другому кругу источников — к источникам археологическим, до сих пор под этим углом зрения не рассматривавшимся.

II. Галльштат и латен

Период IX — VI вв. до н. э. в истории Центральной Европы связан с расцветом блестящей цивилизации раннежелезного века, известной под именем галльштатской. Плужное земледелие, развитая металлургия бронзы и железа, сильное развитие добывающей промышленности (классический памятник этой культуры, по имени которого она названа, связан с древними соляными копиями) и обмена, великолепная керамика, бронзовые украшения, замечательное оружие — шлемы, копья, мечи, кинжалы характерных форм, конница и колесницы в военном деле — все это вместе взятое бесспорно свидетельствует о развитии в древнейших галльштатских центрах первых этапов примитивно-рабовладельческого строя или во всяком случае самого последнего этапа военной демократии. Представляя собой результат органического развития древних местных племен, галльштатская культура складывается вместе с тем под несомненными влияниями более древних центров средиземноморской цивилизации — Италии и Балкан, с одной стороны, и Кавказа, с другой. В последнем случае передаточ-

²⁵ Ср. германские названия для кельтов: *Walh*, *Wēalh*, *Wālsche*, англ. *Welsh* см. Шафарик, Славянские древности, т. I, кн. II, М., 1837, стр. 99. Предположение о заимствовании этого термина славянами у германцев (готов, через гипотетическую „готскую“ форму *Walhoz*) ни на чем не основано. На итальянцев этот термин несомненно перешел в некоторых славянских языках с исторических «волохов» — дунайских романцев; см. ниже, гл. V.

²⁶ П. И. Шафарик, Славянские древности, т. I, кн. I, стр. 113 и, особенно кн. II, стр. 79 и сл., где сказание Нестора подвергается детальному анализу.

²⁷ „*Wiener Jahrbücher d. Literatur*“, 1827, Bd. 37, стр. 13—14. Цит. по Шафарику, т. I, кн. II, стр. 103.

²⁸ Шафарик, Славянские древности, т. I, кн. II, стр. 104—105.

ным звеном, по мнению Галльгрена²⁹, могли быть киммерийцы, культура которых, если принять идентификацию В. А. Городцова, действительно обнаруживает черты сходства как с классическим галльштатом, так и с Кавказом³⁰.

Основной очаг галльштатской культуры, где она появляется раньше всего и достигает наибольшего развития, лежит в районе Динарских Альп и среднего Дуная, охватывая две важнейшие географические провинции галльштата по классификации Гернеса³¹ и Дешелетта³²: первую, „юго-западную“ или „адриатическую“, включающую Боснию, Хорватию, Карниолию, южные Каринтию и Штирию, и вторую, „центральную“ или „дунайскую“, включающую северную часть Восточных Альп, северные Каринтию и Штирию, Австрию, южную часть Чехии и западную Венгрию. Более поздними и менее типичными являются третья и четвертая провинции упомянутой классификации — „северо-восточная“ или „Эльбо-Одерская“, включающая Верхний Палатинат, северную Чехию, Силезию и Познань, где галльштатские влияния наслаиваются на традиции древней лужицкой культуры, и „западная“ или „Рейнско-Ронская“, охватывающая юго-западную Германию, северную Швейцарию и восточную Францию. Дешелетт и Гернес пытаются видеть в первой группе памятники культуры иллирийцев, во второй и четвертой — кельтов, в третьей — германцев. О. Менгин³³ считает принадлежащими иллирийцам все три первые группы, исключая лишь четвертую, Рейнско-Ронскую, которую он связывает с кельтами. Своими историческими корнями галльштат бесспорно уходит в дунайский бронзовый век, обнаруживая тесные связи с унетичкой и раннелужицкой культурой Австрии, Чехословакии и междуречья Эльбы и Вислы, которые польские археологи, как известно, считают древнеславянскими, а немецкие приписывают тем же иллирийцам³⁴.

Этнографическое понятие „иллирийцы“ является одним из наиболее темных и, по существу, нерасшифрованных. Небольшое количество личных и географических имен, отрывочные, плохо прочитанные надписи адриатических венетов, албанский язык, не без колебаний рассматриваемый частью исследователей как потомок языков иллирийских, и, наконец, указания древних о тесной связи языков иллирийцев и фракийцев (причем о последних мы знаем не намного больше, чем о первых) — вот и все, чем располагает в этом отношении наука.

Существенными в этой связи являются сохранные нам источниками этнонимы иллирийцев. Это, прежде всего, имя венетов (энетов, генетов) северной Адриатики — имя, поразительное совпадение которого с первым достоверным наименованием славян давно привлекло внимание исследователей. Затем это — название иллирийской области Норика, восходящее к этнониму н о р или н у р, несомненно ассоциирующемуся с именем невров Геродота и нуров, оставивших свой след в топонимике „Нурской земли“, и с легендарным именем древнейших славян у Нестора — „нарци, еже суть Словене“. Уже Шафарик отметил ряд звучащих по-славянски топонимических терминов в иллирийской Паннонии начала нашей эры (т. е. за полтысячелетия

²⁹ A. Tallgren, *La Pontide prescythique*, ESA, II, 1926.

³⁰ В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, ТСА, II, 1928, стр. 46 и сл.

³¹ Hoerness, *Die Hallstattperiode*, „Archiv für Anthropologie“, 1905, стр. 278; его же, *Kultur der Urzeit*, III, Eisenzeit, 1912, стр. 54.

³² J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-Romaine*, II, 1913, стр. 589.

³³ O. Mengin, *Urgeschichte Niederoesterreichs*, Wien, 1921; его же, *Einführung in die Urgeschichte Boemens und Moerens*, 1926.

³⁴ Обзор проблемы см. у В. И. Равдоникаса, СГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 21 и сл.

до предполагаемого прихода сюда славян), из которых особенно убедительны название озера Pêlso или Pleso (у Плиния ошибочно Peiso, у позднейших латинских авторов Pelso, Pelsois, Pelissa)³⁵, города Ziernae на современной реке Черной³⁶, города (или двух городов) Serbinum (Σερβίνου) Птолемея, Serbetium, Servitium Певтинегровых таблиц³⁷.

В упоминаемом Гекатеем, Геродотом и позднейшими источниками имени нижнедунайского племени кровызов (Κροβύζοι) Шафарик видит параллель к историческим кривичам³⁸.

Шафарик, однако, отказывается видеть в иллирийцах славян, полагая, что в географических пределах „прежнего Иллирика“ могли наряду с собственно иллирийцами „обитать ветви славянского племни“³⁹. Препятствием на пути к идентификации иллирийцев и славян он считает то, что „древние не только иллирийцев, но и всех прочих, причисленных к иллирийцам народов, почитали одноплеменными с фракийцами, а потому нет места сродству иллирян со славянами“⁴⁰.

Оговорившись уже сейчас, что после новейших исследований академика Н. С. Державина о славяно-фракийских и славяно-албанских связях⁴¹, вопрос об иллиро-славянских отношениях должен встать в существенно иной плоскости, чем во времена Шафарика, мы оставим за собой право вернуться к этому вопросу в дальнейшем. Сейчас ограничимся констатацией того основного положения, что накануне тех событий, о которых повествует Нестор и которые освещены Шафариком как движение кельтов в бассейн среднего Дуная, эта область является центральным ядром „иллирийской“ галльштатской цивилизации. В V—IV вв. положение резко меняется. В бассейне Дуная — в Австрии, Чехии, Венгрии — получает широкое распространение так называемая латенская культура, влияния которой прослеживаются также на север и восток — в Эльбо-Одерский бассейн и в бассейн нижнего Дуная. Центр распространения этой культуры лежит на территории Франции, откуда она проникает в упомянутые выше области, с одной стороны, и на запад в Испанию, и на север — в Англию, с другой. В том, что создателями и первоначальными носителями этой культуры являются кельтские народы, ни у кого сейчас нет сомнения⁴².

Таким образом, помимо исторических свидетельств о восточной экспансии кельтов в IV в., глубоко проникающих в область „иллирийского“ Подунавья, от бойев в Баварии и Богемии, сохранивших имя кельтских завоевателей до наших дней, до бритологов в устьях Дуная, археологический материал дает нам убедительное подтверждение этой картины, рисуемой историческими памятниками: внедрение „кельтского“ латена в центральную, дунайскую область классического „иллирийского“ галльштата и последующее распространение латенских влияний на всю область предполагаемого расселения „иллирийских“ племен.

Судя по тому, что дает нам исторический и археологический материал, переход от галльштата к латену в лежащих за пределами коренных кельтских территорий областях не носил характера органи-

³⁵ Шафарик, Славянские древности, т. I, кн. II, стр. 117.

³⁶ Там же, стр. 118.

³⁷ Там же, стр. 120.

³⁸ Там же, стр. 132. — Томашек (Die Alten Thraker, I, Wien, 1893, стр. 97) относит кровызов к фракийским племенам.

³⁹ Шафарик, Славянские древности, I, кн. II, стр. 136—137.

⁴⁰ Там же, стр. 137.

⁴¹ Акад. Н. С. Державин, История Болгарии, I; его же, Албановедение и проблема происхождения южных славян, СЭ, III, 1940, стр. 185 и сл.

⁴² См. G. Poisson, Le repeuplement de l'Europe, Paris, 1939, стр. 332 и сл.; А. В. Арциховский, Введение в археологию, Изд. 3, М., 1947, стр. 107—112.

ческого прогрессивного развития. Кельтское вторжение было „нашествием варваров“, стоявших на первых порах на более низкой ступени развития, чем народы центральной области галльштатской культуры. Кельтские военные группировки, вторгаясь в „иллирийские“, италийские области и в Малую Азию, сохраняли свою обособленность и примитивную военно-племенную организацию, ярко выступающую в хорошо известной структуре галатского „государства“ в Малой Азии.

Археологический материал вместе с тем не дает права говорить о массовой смене населения в „иллирийских“ областях, сделавшихся жертвой нашествия кельтских варваров. Галльштатские и более древние лужицкие и унетичские традиции и традиции дунайского бронзового века продолжают жить в этих областях в латенскую эпоху, явно демонстрируя непрерывность местной этнической традиции. Кельтские завоеватели продолжают существовать (как это мы видим в лучше известной истории галатов Малой Азии) до римского завоевания Подунавья бок о бок с „иллирийскими“ и „фракийскими“ аборигенами до тех пор, пока они сохраняют свою военную организацию, дающую им преимущество в отношениях с местным населением.

Таким образом, если нельзя говорить о массовом поголовном „исходе“ „иллирийских“ галльштатцев из бассейна Дуная, то бесспорно, что кельтско-латенское вторжение носило для них характер огромной общественной катастрофы, глубоко врезавшейся в память народа и, вероятно, сопровождавшейся значительной эмиграцией отдельных групп дунайского населения в области, лежавшие за пределами сферы кельтской экспансии и заселенные родственными дунайским „иллирийским“ народам племенами северной и восточной периферии галльштата, и далее к востоку, в область распространения киммерийской и скифской культур.

Тот факт, что славянская народная традиция донесла память об этих событиях до времен Нестора, является бесспорным доказательством того, что „иллирийцы“ центрального дунайского ядра галльштатской цивилизации были в числе основных предков славян, как и „фракийцы“ Дакии, о завоевании которых Траяном помнили на Руси еще в XII в.

Тит Ливий⁴³ приводит кельтские народные предания о начале восточной экспансии кельтов. По его сведениям, еще во времена Тарквиния Приска, т. е. около 600 г. до н. э., часть галлов двинулась на восток, в область „Герцинского леса“, к верховьям Дуная. С. Рейнак, к которому присоединились Дойтэн и Дешелетт⁴⁴, признал этот рассказ невероятным. Однако сопоставление некоторых дат заставляет нас задуматься над вопросом, нет ли здесь того же гиперкритицизма, который был проявлен историками славян в применении к рассказу Нестора. Напомню, что Геродот в рассказе о неврах, связь имени которых с именем „иллирийских Норов“ (нуров), давших имя Норикю, отмечена неоднократно, сообщает о них, что за сто лет до похода Дария против европейских скифов (513 г. до н. э.) они покинули свою родину из-за нашествия змей, пришедших к ним из северных пустынь, и переселились в область, обычно локализуемую в верховьях Днестра и Буга, к родственным им будинам⁴⁵.

Давно принято всеми исследователями, что под фантастическим сказанием о „змеях“ надо видеть рассказ о действительном вторжении в древние земли невров враждебных племен, тотемически ассоциируе-

⁴³ Тит Ливий, V, 34; ср. Л. К. Тацит, Германия, 28.

⁴⁴ L. Déchelette, Указ. соч., II, стр. 573.

⁴⁵ Геродот, IV, 105.— Локализацию см. E. H. Minns, Scythian and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 102, а также карта I.

мых со змеями⁴⁶. Если это так, то совпадение дат Тита Ливия (ок. 600 г. до н. э.) и Геродота (ок. 613 г. до н. э.) и имен неуров и Норика, по своему географическому положению долженствовавшего стать одним из первых объектов кельтского вторжения в бассейн Дуная, заставляет сильно задуматься над тем, не лежит ли в основе обоих рассказов одно и то же событие: первое вторжение кельтов-битуригов в Иллирию и эмиграция „иллирийских“ неуров на восток, в земли родственных им будинов.

В этой связи большой интерес представляют: распространение галльштатских вещей и комплексов на правобережной Украине, в бассейне Буга и Днестра (в частности, особенно интересна керамика Немировского городища в Подолии), установленное еще А. А. Спицыным; убедительны вскрытые А. А. Потаповым (с которым недавно солидаризировался И. И. Ляпушкин) галльштатские связи черной инкрустированной керамики доскифских слоев Бельского и других городищ бассейна р. Ворсклы и более восточных районов Украины, вплоть до Харькова и Изюма; рассмотренный в последних исследованиях В. Парвана факт глубокого проникновения галльштатских элементов как в Трансильванию и Румынию, так и в Галицию и Подолию, т. е. как раз в предполагаемую область поселения геродотовых неуров. Здесь были сделаны, в частности, находки прекрасных крупных ситул италийского происхождения и полусферических котлов, свидетельствующих о непосредственных связях с районами классического дунайско-адриатического галльштата⁴⁷. Между тем, в противоположность гипотезе Шафарика о достоверности ядра сказания Нестора, его гипотеза о славянстве неуров получила общее признание в литературе. Ее разделяют почти поголовно все сколько-нибудь значительные исследователи — назовем Л. Нидерле⁴⁸, Томашека⁴⁹, Э. Миннза⁵⁰ и даже таких проводников влияния немецкой школы в русской литературе, как Ф. А. Браун⁵¹ и Ю. В. Готье⁵².

Это и не удивительно. Помимо положительных аргументов, приведенных Шафариком, нельзя не признать, что локализация геродотовых неуров совпадает с наиболее распространенной в индоевропейстике локализацией „прародины славян“, и, если не принять тезиса о „славизме“ неуров, для предков славян вообще не останется места на историко-этнографической карте Европы.

Но, в свете изложенного выше, признание „славизма“ неуров влечет за собой признание „славизма“ „иллирийских“ аборигенов Норика, признание достоверности исторического ядра сказания Нестора и пересмотра всей „иллирийской проблемы“.

⁴⁶ Шафарик, I, кн. II, стр. 28—29; W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden, II; А. Д. Удальцов, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 6.—Томашек видит в „народе змей“ восточных германцев, Браун — бастарнов, которых он считает германцами, сдвинутыми со своих мест кельтами. Именно для кельтских сказаний особенно характерен образ «дракона», resp. змеи, как этнического символа. Ср. J. A. Mac Sullough, Celtic Mythology, «Mythology of all Races», III, 1918, стр. 24—25, 47, 107—108, 130.

⁴⁷ А. А. Спицын, Скифы и Галльштаг. Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому, СПб., 1911; А. Ротаров, Inkrustierte Keramik von Belsk, ESA IV, 1929, стр. 162 сл., И. И. Ляпушкин, Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы, КСИИМК, XVII (1947), стр. 127; V. Parvan, Dacia, Cambridge, 1928, стр. 8.

⁴⁸ L. Niederle, Slovanské starožitnosti, I, стр. 266.

⁴⁹ Tomaschek, Указ. работа.

⁵⁰ E. N. Minns, Указ. раб., стр. 102—103.

⁵¹ Ф. А. Браун, Разыскания в области готто-славянских отношений, стр. 82.

⁵² Ю. В. Готье, Указ. раб., стр. 23.

Вопрос о связях славян с галльштатом ставится не впервые. Его поднял, насколько нам известно, чешский ученый Индрих Ванкель⁵³, но его теория успеха не имела. Нельзя, однако, в этой связи обойти молчанием (помимо указанных выше данных о восточных пределах распространения галльштатских памятников) также и ряд археолого-этнографических сигналов, заставляющих очень серьезно отнестись к вопросу о пережитках галльштатской культуры в средневековой и современной материальной культуре славянских народов, причем не только южных, но и восточных. Б. А. Рыбаков, в частности, отметил связь некоторых религиозных сюжетов в изделиях средневекового прикладного искусства и современных народных вышивок восточных славян с религиозным искусством классического галльштата, в первую очередь со знаменитым культовым изображением колесницы из Штретвега в Штирии⁵⁴.

Нельзя не обратить внимание и на некоторые другие мотивы, в частности, на широкое бытование в классическом галльштате украшений в виде соединенных протомов двух коней или парных изображений птиц, не только по содержанию, но и по форме почти тождественных с „коньками“ и „уточками“ русского и волжско-финского народного искусства.

Галльштатские нагрудные „шумящие украшения“ обнаруживают поразительную близость в целом и в деталях с поздним археологическим и этнографическим материалом прежде всего поволжских народов⁵⁵. Раннее средневековье застаёт их гораздо западнее — в бассейне Оки около X—XII вв., а в VIII—IX вв. в Люцинском могильнике, на территории юго-восточной Латвии и в сходных памятниках Белоруссии и низовьев Двины; Готье именно по этому признаку приписывает их „финской культуре“⁵⁶, на этот раз без всякой оглядки на „дополнительные данные о составе населения“, которые он так придирчиво требует для определения славизма западных полей погребальных урн⁵⁷.

На деле и характер и территориальное распространение „люцинской культуры“ позволяет говорить о ее принадлежности к славяно-балтийским потомкам прибалтийских венетов и, как галльштатские мотивы в восточнославянских металлических изделиях и русских вышивках, дают право рассматривать ее как одно из посредствующих звеньев между галльштатом и народами Поволжья, где мы наблюдаем как бы наиболее поздний отклик галльштатских традиций, которые могли проникнуть сюда только через славянскую среду.

В связи с „неврской“ проблемой нельзя обойти молчанием и проблему будинскую. Я думаю, что и здесь мы должны, с необходимыми оговорками, пойти за Шафариком и Нидерле⁵⁸, а не за сторонниками финнизма⁵⁹ или тем более германства (Майнерт) будинов. То, что мы знаем об этом народе из текста Геродота: указание на родство будинов с неврами, указание на большой деревянный город Гелон и его обитателей — гелонов, в диалекте будинского языка которых греки слышали что-то родственное своему собственному языку (откуда ге-

⁵³ J. Wankel, Beitrag zur Geschichte der Slaven in Europa, Olmütz, 1885.

⁵⁴ Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, СЭ, 1948, № 1.

⁵⁵ Ср. хотя бы у Déchelette, II, стр. 654, а также L. Whatmough, The Foundations of Roman Italy, London, 1937, стр. 180 (шумящие подвески из Эсте III и, особенно, поразительно напоминающая Поволжье пиценская шумящая подвеска с „коньками“ и „уточками“, рис 72, стр. 205).

⁵⁶ Ю. В. Готье, Указ. раб., стр. 112 и сл., 138 и сл.

⁵⁷ См. ниже, прим. 81.

⁵⁸ Шафарик, I, II, стр. 9 и сл.; Niederle, Starožitnosti, I, стр. 275.

⁵⁹ Tomaschek, Указ. раб.; Minns, Указ. раб.; Готье, Указ. раб., стр. 122 и сл.

родотовская теория греческого происхождения гелонов)⁶⁰, —заставляет видеть в будинах в широком смысле этого термина северные группы протославянских племен, давших такой великолепный памятник, как Бискупинское селище в Познани⁶¹—грандиозное деревянное укрепленное „пуэбло“. Несомненно, в памятниках этого типа или в их восточных аналогах —ранне-,скифских“ городищах северной Украины⁶² нужно искать источник сказания Геродота.

Будины (связь имени которых с славянским корнем *bud*, ярко отраженным в топонимике прежде всего северо-западных районов России, Белоруссии, северо-запада Украины, Польши, Чехии, Венгрии, Лужицкой области, убедительно вскрыта Шафариком и Нидерле), вероятно,—собирательное имя северных протославянских групп от верхнего Дона до Эльбы⁶³.

III. Иллирицы и славяне

Советская школа в вопросах этногенеза, основание которой было заложено блестящими работами акад. Н. Я. Марра, поставила проблему этногенеза славян в принципиально новой плоскости. Новая концепция исторического развития языков, базирующаяся на принципах материалистического понимания истории, поставив по-новому всю проблему происхождения индоевропейских языков и народов, определила новый аспект и в трактовке вопросов происхождения каждой отдельной ветви индоевропейцев. История языков и их совокупностей перестала рассматриваться в метафизическом однолинейном плане, как вызываемая всегда и повсюду одной и той же причиной —расселением носителей языка—бесконечная цепь филиаций гигантского генеалогического древа, у корня которого как бы выступают в зачаточном и обобщенном виде элементы всех будущих ответвлений.

На базе учения Марра и его последователей возникает неизмеримо более сложная и богатая картина мирового глоттогонического процесса, определяемая значением языка как важнейшего орудия жизнедеятельности общества, адекватного уровню и характеру общественного труда, структуры общества и соответствующей ступени развития мышления. Соответственно этому складывается обоснованная прочными фактическими данными концепция первоначальной разобщенности и множественности примитивных языковых систем, определяющейся ограниченными потребностями общения, в свою очередь вытекающими из хозяйственной замкнутости архаических родовых и племенных коллективов. С последующим, определяемым ростом производительных сил, расширением межплеменных связей, сложными процессами консолидации обширных союзов племен, с особенной силой выявляющи-

⁶⁰ Minns (Указ. раб., стр. 105) пишет по вопросу о языке гелонов: „Если гелоны говорили на чем-то вроде „тохарского“, грек, услышавший их числительные, мог принять их за „bastard Greek“. Решительно расходясь с Миннзом в вопросе о локализации Гелона (у устья Камы!), я считаю его предположение о языке гелонов наиболее вероятным. Напомню, что Покорный, теория которого о положении тохарского среди индоевропейских языков наиболее обоснована и убедительна, видит в тохарах „фрако-фригийских киммерийцев“ (см. Die Stellung des Tocharischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen, „Berichte des Forsch.-Inst. für Osten u. Orient in Wien“, III, 1923, стр. 50, сл.).

⁶¹ J. Kostrzewski, Przegląd Archeologiczny, t. V, № 2—3; М. Воеводский, Остатки торфяного поселения лужской культуры в Польше, ВДИ, 1938, № 2; В. Равдоникас, История первобытной культуры, II, Л., 1948, стр. 374 и сл.

⁶² Нидерле ищет геродотов Гелон в районе Киева.

⁶³ Восточная граница будинов определяется указанием Геродота о том, что они живут в 15 днях пути (вверх по Дону) от Меотиды и в 7 днях пути (на запад) от тиссагетов (Прикамье). Так как речь здесь явно идет о водной пути по Дону — Оке—Волге, то восточные границы поселений будинов надо искать в области водораздела Дона, Десны и Оки.

мися на стадии «военной демократии» — последней ступени родового строя, для которой характерна широкая перетасовка этнических элементов в пределах обширных военно-племенных объединений, и разворачиваются бурные процессы языковой интеграции, взаимопроникновения и слияния прежде обособленных языковых групп, перекрестной инфильтрации лексических элементов и возникновения качественно новых синтаксических и морфологических структур, соответствующих новому этапу развития мышления и новым потребностям межплеменных коммуникаций. Отсюда огромная роль процессов языкового скрещения на этих этапах истории, к которым и относится формирование крупнейших языковых систем, с той или иной долей видоизменения доживших до современности.

Сделанные Н. Я. Марром блестящие открытия — установление того факта, что индоевропейские языки представляют продукт скрещения древних яфетических языков Средиземноморья (в широком смысле этого слова), а также установление им стадийального характера процесса индоевропеизации — создали предпосылки для разрешения конкретных проблем глотто- и этногенеза отдельных групп индоевропейцев. Старой постановке вопроса — от какого корня и когда „ответвился“ данный язык и народ, его носитель, где была „прародина“ этого языка и народа, и как он в дальнейшем разветвлялся в процессе расселения его носителей, пришла на смену новая постановка: на какой территории и на базе каких первобытных племенных языков, в какую эпоху и в силу каких социально-исторических условий произошло становление данного языка. Само собой разумеется, что эта постановка полностью исключает расовый подход к проблеме глотто- и этногенеза, до сих пор, несмотря на бесчисленные стыдливые оговорки, продолжающий господствовать в буржуазной лингвистике и исторической этнографии. Как правило, новые языковые общности возникают на расово разнородной основе, и в процессе многочисленных и многообразных скрещений одни и те же древние языковые группы в разных комбинациях входят в состав исторических новообразований, определяя неустойчивость и условность границ между отдельными этно-лингвистическими группами.

Соответственно этому и проблема этно- и глоттогенеза славян в советской литературе поставлена в принципиально новой плоскости: советские исследователи уже не ставят вопрос о том, какой из древних народов, скажем, из перечней Геродота, Плиния или Птолемея является „славянами“ или какая из культур неолита или бронзы является „славянской“. Вопрос стоит шире и сложнее: когда, в силу каких условий, на какой территории и на базе скрещения каких древних этнических элементов сложилось историческое славянство?

Обращаясь к фактам, мы не можем не обратить внимания на то весьма существенное обстоятельство, что уже к раннему средневековью народы фрако-иллирийской группы древних индоевропейцев фактически перестали существовать везде, на всем протяжении их действительной или предполагаемой (например районы лужицкой или унетичкой культур) территории сменившись славянами. В свою очередь, если не считать районы крайнего славянского севера, об этнической принадлежности населения которых в античную эпоху у нас нет по существу почти никаких объективных данных, вся территория раннесредневекового расселения славян окажется полностью совпадающей с древней территорией „фракийцев“ и „иллирийцев“. Исключение составляют лишь албанцы, которых одни ученые считают потомками иллирийцев, другие — фракийцев, да дунайские романцы, обычно рассматриваемые как потомки романизованных даков (на них мы особо остановимся в заключительной главе нашей статьи).

Вряд ли это обстоятельство случайно. Уже давно в литературе отмечались черты особой близости между иллирийскими и фракий-

скими языками и культурой, с одной стороны, и культурой и языком раннесредневековых славян и их близких родичей — балтийцев, с другой ⁶⁴.

За последнее десятилетие проблема фрако-славянских отношений сделалась объектом специальных исследований акад. Н. С. Державина, наиболее последовательно применяющего методологию, основы которой заложил Н. Я. Марр, к языковедным и историко-культурным проблемам славистики и албановедения ⁶⁵. После работ Н. С. Державина, по крайней мере в отношении языков фракийцев и древнего слоя в языке албанцев (с какой бы из двух древних групп дунайско-балканских народов их ни связывали), вряд ли могут быть серьезные сомнения в том, что в лице как древних фракийцев, так и албанцев мы имеем носителей архаических, сохранивших многие черты яфетидизма языков палеоиндоевропейской стадии, которые со всем основанием могут быть названы протославянскими. А тесная связь языков иллирийцев и фракийцев неоднократно подчеркивается античными авторами; мы помним, что именно силлогизм: иллирийцы = фракийцы, фракийцы ≠ славяне, следовательно, иллирийцы ≠ славяне, — явился для Шафарика главным аргументом против принятия гипотезы о славизме иллирийцев. Помимо чисто лингвистических соображений, в достаточной мере мобилизованных Н. С. Державиным, нельзя не привлечь еще один весьма существенный аргумент исторического порядка: трудно не обратить внимание на резко различные этнографические результаты совершенно однотипных событий в римской Галлии, Италии и Испании, с одной стороны, и на Балканах, — с другой, связанных с завоеванием этих областей варварами — германцами в первом случае и славянами — в другом. Просачивание германцев в кельтскую Галлию и завоевательные вторжения туда отдельных, иногда очень значительных групп их восходят еще к I в. до н. э. и тянутся непрерывно через последующие столетия. Массовое движение германских варваров в Галлию разворачивается уже в III—IV вв., достигая своего апогея в V в. Германские нашествия носят исключительно опустошительный характер. Вместе с тем, массовый характер приобретает поселение германцев в Галлии как „федератов“ — воинов-союзников Империи. К концу V в. Галлия, наводненная германскими варварами, превращается в совокупность полунезависимых, враждующих между собой германских королевств, сливающихся затем в единое франкское государство. Однако проходит очень немного времени, и завоеватели растворяются в среде покоренных, оставив весьма мало следов в их языке и культуре. Та же судьба постигает остготов и лангобардов в Италии, вестготов в Испании.

⁶⁴ О близких связях иллирийских с балто-славянскими см. G. Meyer, Die Stellung des Albanischen im Kreise der Indogerm. Sprachen, „Beiträge zur Kunde der Indogerm. Sprachen“, VIII, стр. 185 сл.; его же, Etimologisches Wörterbuch des Albanischen, и другие работы. Ср. S. Sergi, Aree Italiche, Torino, 1898, стр. 65 („Protoslavi o Ilirici“).

См. также И. Н. Смирнов, Очерк культурной истории южных славян, I, Казань, 1900, стр. 10. Впрочем в последнее время наблюдается тенденция противопоставить иллирийцев славянам как представителей „северных индогерманцев“ (Kossina, Mappus, 1912, стр. 183) или „южных кентум-индоевропейцев“ (E. Phillipon, Les peuples primitifs de l'Europe méridionale, Paris, 1925, стр. 88—89; см. также J. Whatcham, Указ. раб., стр. 176—177, где автор пытается обосновать свои выводы на венетских надписях Италии и стремится подчеркнуть особую близость венетского языка к германскому и, наоборот, резкое отличие его от албанского. Все это базируется на нескольких словах надписей, часть которых в условиях исторического окружения венетов Италии вполне может быть заимствованной из итальянских или кельтских. Ср. также G. Roissop, Указ. раб., стр. 231—232). Венаучная подоплека этих тенденций, их связь с попытками обосновать „исторические права“ на славянские территории в первом случае немцев, во втором — итальянцев — более чем прозрачна.

⁶⁵ См. выше прим. 41.

Массовое движение славян из-за Дуная в пределы Восточной империи развертывается лишь в VI в. И уже в следующем столетии весь Балканский полуостров и все владения Империи по среднему Дунаю оказываются целиком славянскими⁶⁶. Коренное население исчезает бесследно, хотя в полную противоположность тому, что происходило в Галлии и Италии, мы почти не имеем сведений о массовом истреблении или изгнании местных жителей.

Процесс слияния туземцев и завоевателей дает совершенно иные результаты, чем в западной империи. Все это может быть объяснено только при признании, что славянами стало и социально и по языку все или почти все фрако-иллирийское население Империи, социально и этнически слившись с гораздо более отсталыми пришельцами, — а это может быть только при условии предшествующей культурной и этнической близости. Мы не знаем исторических примеров такой полной этнографической трансформации в рамках по существу одного столетия, кроме тех случаев, когда речь идет лишь о перекомбинации и новой форме объединения этнически и языково близко родственных элементов (такие примеры могут быть в изобилии приведены из истории, например, тюркских народов степей Восточной Европы и Средней Азии — ср. хотя бы судьбу печенегов в огузских и половецких объединениях).

Если Рейнский Limes был (и по существу остается и по сейчас) границей между двумя резко различными, несмотря на многовековое взаимодействие, этнографическими массивами, то Дунайский Limes был лишь политической границей, рассекавшей единую этнографическую территорию.

Однако мы далеки от того, чтобы поставить знак равенства между фрако-иллирийцами и славянами. Как ни скудны наши данные о языках первых, мы все же можем утверждать, что это, хотя и близкие к славянским, но не славянские языки. Для понимания славянского глоттогенеза огромное значение имеет второй (или третий, если разделить фракийцев и иллирийцев) этнический компонент этого процесса — элемент скифский или, ввиду явной собирательности этого термина, — сакско-сарматский.

Археология и исторические свидетельства дают нам прочные основания для утверждения о глубокой инфильтрации скифских элементов в глубь фрако-иллирийского этнографического массива. Памятники собственно фракийской территории — восточной части Балканского полуострова — перенасыщены скифскими элементами. Знаменитые золотые клады из Феттерсфельде в нижней Лужице⁶⁷ (которые автор первой публикации А. Фуртвенглер относит ко времени похода Дария и ставит с ним в связь, а Э. Миннс считает одним из древнейших скифских памятников) и Фогельзанга в Силезии⁶⁸ отмечают северо-западные рубежи распространения скифских влияний (и, по всей видимости, в какой-то мере и колонизации) в глубь зоны распространения памятников северного галльштата. Археологические данные позволили М. Ростовцеву⁶⁹ видеть границы скифской гегемонии на северо-западе около V в. до н. э. в районе Одера и Нейсы. Г. Прей-

⁶⁶ „Во всяком случае, уже к половине VII в. Балканский полуостров заселен этнически однородным населением, с решительным преобладанием славянского элемента“, — пишет византиновед Б. Т. Горянов (Славянские поселения VI в. и их общественный строй, ВДИ, 1939, № 1, стр. 313).

⁶⁷ F ü r t w ä n g l e r, Der Goldfund von Vetersfelde, 43, Berliner Winkelmannsprogramm, 1883; „Reallexicon f. Vorgeschichte“, XIV, под словом „Fisch von Vetersfelde“, стр. 156; D é c h e l e t t e, Указ. раб., II, стр. 758—759, Е. Н. М и н н с, Указ. раб., стр. 236—239.

⁶⁸ R e i n e c k e, Der Goldring von Vogelsang, Schles. Vorzeit, VII; D é c h e l e t t e, Указ. работа; H. S e g e r e r, Die Skythen in Schlesien, Schles. Vorzeit, 1928.

⁶⁹ М. R o s t o w t z e f f, Skythen und der Bosphorus, Berlin, 1931, стр. 270.

дель⁷⁰ и Сулимирский⁷¹ прослеживают сильное влияние скифской культуры в середине I тысячелетия до н. э. на всем протяжении Германии к востоку от Эльбы и на территории Богемии.

Западная и юго-западная границы археологически прослеживаемой зоны влияния скифской культуры в Средней Европе, идущие примерно по линии Эльба—верховья Дуная и включающие большую часть Дунайского бассейна⁷², по существу в точности совпадают с западной границей ранне-средневекового расселения славян. Если мы наложим одну на другую карты галльштатской и скифской культур и сопоставим результат с картой расселения славян в VIII—X вв., то мы можем установить весьма характерную закономерность: зона взаимного перекрытия территорий галльштата и северной и восточной части сферы его влияний и зона распространения скифских памятников почти полностью перекрывают славянскую территорию раннего средневековья.

В этой связи нельзя не вспомнить гипотезу А. И. Соболевского о происхождении славянских языков⁷³. Как известно, А. И. Соболевский обратил внимание на своеобразное положение славянских языков в группировке индоевропейских по признаку судьбы древнего *s*, не тождественной с группировкой по судьбе древнего *k*, обычно кладущейся в основание классификации индоевропейских языков. Древнее *s* сохранилось в древнеиндийском, балтийских и итальянских; оно перешло в *x* (∞h) в языках иранских и греческом. В славянских скрещиваются обе эти изоглоссы: в одних случаях сохраняется древнее *s*, в других оно переходит в *x*. Эта закономерность, проявляющаяся как в основах, так и в флексиях и не определяемая положением исследуемого звука в слове, наряду с анализом лексических связей и, в особенности, топонимических терминов, позволила А. И. Соболевскому прийти к выводу, что „славянский праязык“ является скрещением двух языков: языка *s*, очень близкого к балтийским, составлявшего ранее с балтийскими языками одно целое, и языка *x*, „повидимому, иранской ветви, вероятно, в своем основании одно из наречий скифского языка“⁷⁴. Автор считает, что местом начала этого скрещения было южное побережье Балтийского моря, место древнейших исторически зарегистрированных славян — венедов. Время этого скрещения он относит к III—II вв. до н. э. На основании насыщенности южной Прибалтики словами языка *x* Соболевский считает этот язык аборигенным, а язык *s* — пришлым, оставляя открытым вопрос о том, откуда пришли его носители.

Оставляя в стороне собственно исторические рассуждения Соболевского, требующие, конечно, очень серьезных коррективов, я считаю лингвистические выводы его работы весьма убедительными (за вычетом некоторых сомнительных этимологий).

Мы должны вспомнить ряд специфических особенностей балтийских языков, позволяющих говорить об их несомненных и древних

⁷⁰ N. Preidel, Der Skythische Einfluss in Ostdeutschland und die Skythischen Funde in Böhmen, „Altschlesien“, 5, Breslau, 1934, стр. 215 и сл.

⁷¹ T. Sulymirski, Skythian Antiquities in Central Europe, „The Antiquaries Journal“, XXV, 1—2, 1945.—Сулимирский, в частности, объясняет скифским вторжением падение лужицкой культуры.

⁷² Ср. M. Rostowtzeff, The Animal Style in South Russia and China, Princeton, 1929, стр. 22. — О скифской культуре на Дунае см. V. Parvan, Указ. раб., стр. 85 и сл.; V. Gordon Childe, The Danube in Prehistory, Oxford, 1929, стр. 367—391; ср. также его карту X (распространение скифских памятников в бассейне Дуная).

⁷³ А. И. Соболевский, Русско-скифские этюды, ИОРЯС, XXVII, 1924, стр. 321 и сл. (здесь сформулированы выводы исследования).

⁷⁴ Там же, стр. 331.

связях с языками ряда южноевропейских лингвистических групп, особенно иллирийской, фрако-фригийской и италийской. Из лексических явлений сюда относится сохранение здесь ряда особенностей южной религиозной терминологии: например, лит. *diêwas* — „бог“, др.-инд. *dyâuis*, откуда *dêvâ*, лат. *deus*, греч. *Zeos* (в славянских и иранских это слово либо перешло в сферу демонологии — др.-ир. *daiva*, совр. *dev~div*, загадочный див „Слова о полку Игореве“ = „демон“, либо сохранилось в отдаленных производных, вроде нашего у† див † ляться).

В известном сочинении польского автора XVI в. Я. Лясковского „De diis Samogitarum“⁷⁵ мы читаем о самогитском божестве *Ventis*. Это имя широко распространено в иллирийском и фрако-фригийском мире. В форме *Bindus* оно известно в культовых надписях римского времени в Бихаце в Боснии, где есть прямые указания о принадлежности этого божества иллирийцам — яподам⁷⁶. Женское божество под именем *Vendis*, ассоциирующееся с Артемидой, мы встречаем и у фракийцев (фригийское *Mendis*)⁷⁷. Фракийской Семеле — богине земли соответствует Земинела пруссов, Земина Литвы, Земме латышей⁷⁸.

Ряд любопытных совпадений в этнонимике и религии балтийцев, с одной стороны, и римлян, с другой, привлек внимание еще средневековых хронистов и, видимо, послужил источником фантастической теории о римском происхождении пруссов.

Нельзя не отметить, что в стране эстив лежит крайний северо-восточный конец древнего янтарного пути, отмеченного на юге именем адриатических венетов, а на севере — именем венетов прибалтийских, которое обильно отложилось в восточно-балтийской топонимике. Наконец, насколько можно судить (ср. *Philippop*, Указ. раб., стр. 20, 97), судьба индоевропейского *s* была в иллирийских (как и фракийских) та же, что и в балтийских языках.

Тем не менее, я не думаю, чтобы гипотетический язык *s* полностью соответствовал древнебалтийскому. Последний несет на себе многочисленные следы сакско-иранских связей, как, впрочем, и фрако-фригийских. Можно видеть в балтийском остаточное крайнее звено цепи довольно разнообразных групп северных протославянских племен. Есть все основания полагать, что одни из них уже достаточно давно говорили на *s*-диалектах, другие на *x*-диалектах, как и в сфере религии одни сохраняли древнее, средиземноморско-индийское имя божества *diêwas ~ dyâuis*, другие восприняли ирано-фригийское *baga* — слав. *богъ*. Однако я думаю, что Соболевский прав в своей гипотезе о двух основных компонентах славянского глотогенеза и в отнесении второго из них к скифам (т. е. лингвистически сако-сарматам). Но не скифы, а фрако-иллиро-протобалтийцы⁷⁹ были аборигенным компонентом этого процесса; „встреча“ обоих компонентов произошла раньше (повидимому, не позднее VI—V вв. до н. э.) и на гораздо более обширной территории, в сущности на всей территории ранне-средневекового славянства; процесс сако-сарматизации протославянской и ранне-славянской речи продолжался значительно дольше, вплоть до первых веков н. э., о чем свидетельствует широкое распространение специфици-

⁷⁵ *Magazin der Litauisch-Literarischen Gesellschaft*, XV, 1, 1868, стр. 82—143.

⁷⁶ *Archäologisch-epigraphische Untersuchungen zur Geschichte der römischen Provinz Dalmatien*, III, Wien, 1899, и др.

⁷⁷ *PW*, V, 269 и сл. Ср. Н. С. Державин, *История Болгарии*, I, стр. 57.

⁷⁸ А. С. Фаминцын, *Божества древних славян*, Спб., 1884, стр. 108.

⁷⁹ Термин условный, включающий совокупность родственных между собой, но различных палеоиндоевропейских лингвистических групп, крайними звеньями которых являются иллирийцы, фракийцы и протобалты. Ср. наши статьи в КСИЭ, I, 1946, стр. 12 и СЭ, VI—VII, 1947, стр. 53.

чески сарматских памятников на значительной части славянской территории. Однако это были влияния уже не на протославянскую, а на древнеславянскую этническую среду, ибо к этому времени несомненно появляются памятники, говорящие о кристаллизации, на базе сложного галлыштатско-лужицко-скифского скрещения, комплекса памятников, однородность, территориальное распространение и будущая судьба которых не оставляют сомнения в их славянском характере.

Это — „поля погребальных урн“. Занятая ими территория охватывает земли на восток от средней Эльбы, имея значительные центры в Лужицах, Северной Чехии, Моравии, Познани, Силезии, охватывает большую часть Польши, оба склона Карпат, на востоке — почти всю Украину (верхний Прут, Буг, верхний и средний Днестр), имеет центр большой интенсивности в среднем Поднепровье, спускаясь здесь ниже Запорожья, а на севере и востоке охватывая бассейны верхнего Днепра, Припяти, Десны, доходя здесь почти до Курска и Харькова⁸⁰. На севере граница „полей погребений“ может быть грубо проведена от истоков Днепра через Брест, среднюю Вислу на Берлин и далее — до пересечения с Эльбой.

Хронология этих памятников, насколько ее возможно проследить, охватывает период от первых веков до нашей эры до середины первого тысячелетия нашей эры.

Поразительное единство и устойчивость культуры населения этой обширной территории не могли не приводить в замешательство исследователей, принявших концепцию „немецкой школы“ в отношении славянской „прародины“ и восточных границ германского расселения в поздней античности. Готье по этому поводу пишет: „Предположение о едином племени, олицетворяющем культуру погребальных полей, встречает непреодолимые трудности на пути к своему признанию. Во-первых, мы не имеем никаких дополнительных данных, которые освещали бы вопрос о составе населения теперешних восточногерманских и западнославянских земель до христианской эры; во-вторых, мы знаем, что в VI—V вв. все эти области неоднократно меняли свое население. Вопрос открыт, в нем много загадочного, и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле“⁸¹. Уклоняется от положительного решения вопроса и Л. Нидерле, нерешительно высказывая предположение о принадлежности относящихся ко времени до нашей эры западных полей погребений кельтам (факт, археологически недоказуемый), впоследствии вытесненным германцами.

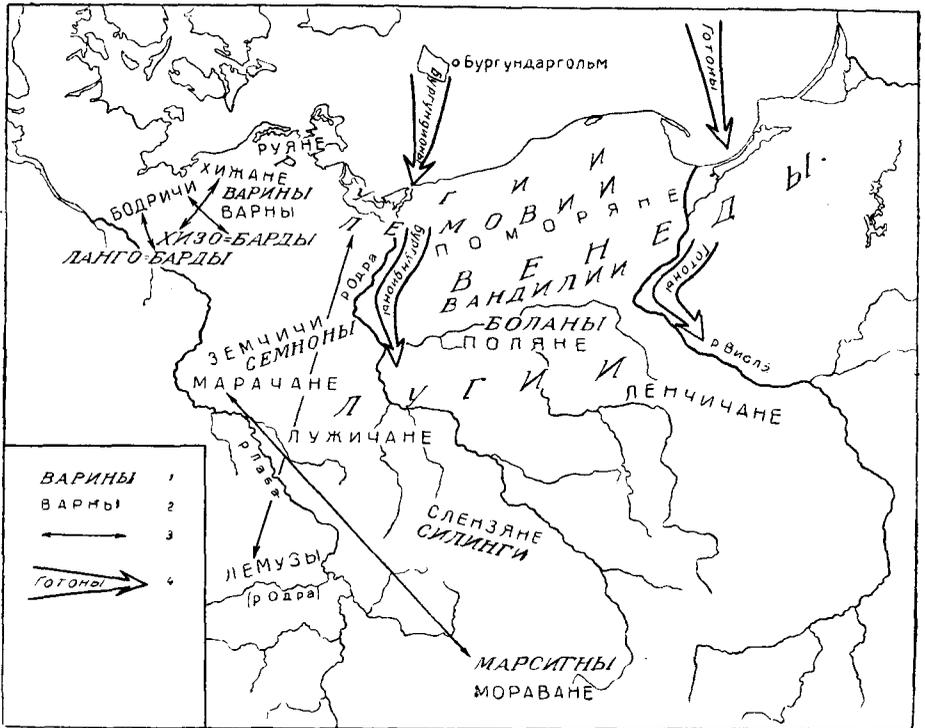
Так археологи оставляют открытым археологически достаточно ясный вопрос, отступая перед „непреодолимыми трудностями“, выражающимися не в фактах, а в признании неизбежности историко-этнографической концепции „немецкой школы“, не стеснявшейся „отсутствием дополнительных данных о составе населения“: используя нечеткость этнографической терминологии отдельных античных авторов и смело отбрасывая все, что противоречит этому, они заселили германцами эти земли, археологически не отделяемые от бесспорно славянских земель к востоку от Вислы.

Списки племен восточной „Германии“ Тацита, Плиния и Птолемея обнаруживают ряд поразительных совпадений со списками племен полабских и поморских славян VIII—XII вв. Некоторые из этих имен

⁸⁰ L. Niederle, *Slovanské starožitnosti*, I, 492 и др.; Ю. В. Готье, Указ. раб., стр. 13—14; П. Н. Третьяков, Археологические памятники восточнославянских племен, МИА, № 6, стр. 13 и сл. (см. у него карту, рис. 1, на стр. 13).

⁸¹ Ю. В. Готье, Указ. раб., стр. 16.

выступают, правда, в германском (на =ing) или итало-кельтском (на =ii) оформлении, но этот аргумент, обычно используемый для доказательства германства этих племен, явно несостоятелен для всякого непредубежденного исследователя. Не надо забывать, что все античные авторы пользовались либо кельтской, либо германской информацией (часто германской, прошедшей через кельтских переводчиков). На деле мы имеем не больше права видеть германцев в предках славянских слензян—силингах, чем славян в упоминаемых русскими летописями чернокобужских и половецких племенах (берендичах, каепичах, токсобичах и т. п.).

Западнославянские племена раннего средневековья и племена Висло-Эльбского междуречья начала н. э.

1—племена первых веков нашей эры; 2—западнославянские племена раннего средневековья; 3—стрелки указывают на связь древних и раннесредневековых племен в случаях их различной локализации; 4—движение германских военных групп с островов Балтики.

Среди древних племен, имена которых продолжают жить у славян той же территории, должны быть названы лугии в Лужицкой области и восточнее, соответствующие ранне-средневековым лужичанам, ругии — в районе о. Рюгена и восточнее — предки руян⁸², силинги в Силезии — предки слензян, варини в нынешнем Мекленбурге — предки варнов. Сюда надо прибавить менее точно локализуемых вельтов Птолемея, будущих велетов-лутичей, и расположен-

⁸² Совершенно неясны мотивы, по которым А. Д. Удадьцов в своей схеме племен Восточной Европы по Птолемею не включает ругиев в число славян или „западных протославян“, как он это делает вполне убедительно в отношении лугиев-лужичан (СЭ, 1946, № 2, карта I, стр. 47). Ругийское происхождение Одоакра, участие ругиев в варварском движении в пределы Империи вместе с германцами является единственным и весьма бедным аргументом в пользу германства ругиев. Варварские орды не подбирались по „расовому“ признаку. Никому сейчас не приходит в голову считать алан германцами, хотя они играли в „германских“ движениях куда более крупную роль, чем ругии. А. Н. Соболевский (Указ. раб., стр. 315—317) решительно настаивает на славизме ругиев.

ных во времена Тацита, видимо севернее, чем в раннем средневековье, лемовиев — будущих лемузов⁸³.

Еще Браун обратил внимание на вероятную связь имени марсинов, сидевших где-то в Моравии, с именем р. Моравы (древн. *Magus*)⁸⁴. В их имени, соответственно, надо видеть германизированную форму древнего имени будущих моравян. Весьма вероятно, что архаическую форму этого древнего имени сохранили жившие в раннем средневековье на Средней Эльбе славянские марачане⁸⁵.

Эти совпадения не могли не обратить уже очень давно внимание исследователей. Однако господствующие взгляды „немецкой школы“ исторической этнографии Европы привели к созданию совершенно фантастической гипотезы о том, что якобы славянские пришельцы V—VI вв. приняли племенные имена своих „германских“ предшественников, покинувших эти места⁸⁶, — точка зрения, нелепость которой ясна всякому грамотному в этнографии человеку: заимствование племенных названий (в противоположность широким собирательным этническим терминам вроде „скифы“, „тюрки“ и т. п.) — явление вообще крайне редкое; известны отдельные факты принятия завоеванными племенными именами завоевателей, но не наоборот, а принятие пришедшим на пустое место племенем имени прежних обитателей пустой территории — исторический нонсенс, обсуждать который с ученым видом можно только при заранее принятом желании доказать недоказуемое.

Одним из важных аргументов в пользу принадлежности по крайней мере части этих племен к германцам является рассмотрение их Тацитом в составе Свевии или в связи с ней. Однако вопрос об этнической принадлежности и этническом составе свевов представляется отнюдь не простым. Как известно, целый ряд чешских и польских исследователей XIX в. — Шембера, Богуславский, Кентжинский⁸⁷ не без основания (несмотря на отдельные увлечения) поставили под сомнение германизм населения обширной территории, впоследствии выступающей как славянская и включаемой Тацитом в территорию свевов; исследователи эти, в частности, обратили внимание на несомненную взаимосвязь имен *Suevi* и *Slavi*. Было бы ошибкой итти тут во всем за цитируемыми авторами — свевская проблема сложнее, чем мыслили и они и их противники. Однако несомненно одно: 1) Тацит подчеркивает резкое отличие свевов от остальных германцев; 2) свевы, по Тациту, не включены в древнейшие германские генеалогические сказания и не входят в число трех основных ветвей германцев (ингевонов, гермионов и истевонов), а наряду с вандилиями, гамбрийями и марсами включены лишь в явно позднейшие генеалогии; 3) Тацит подчеркивает этнографическую (по обычаям и одежде) близость свевов к эстиям, т. е. древним представителям латышско-литовской группы народов, ближайшим родичам славян; 4) отдельные

⁸³ Характерно, что лемовии жили, повидимому, к востоку от устьев Одера (слав. Одра), а раннесредневековые лемузы — на берегах левого притока Эльбы, носившего тоже имя Одра, — существенный аргумент в пользу первоначального единства этих двух групп.

⁸⁴ Браун, Разыскания..., стр. 39.

⁸⁵ Б. А. Рыбаков в своем выступлении по нашему докладу в Славяно-русском секторе Института этнографии АН СССР 7 февраля 1948 г. указал еще на несколько параллелей между именами племен приэльбской „Германии“ античных авторов и северо-западных славянских племен раннего средневековья: гелизии — голенсичи, хатгы — хуттичи, дидуны и дедошане и, наконец, гельвеоны и гаволяне.

⁸⁶ Ср., например, А. М. Селищев, Славянское языкознание, I, М., 1941, стр. 20.

⁸⁷ Šembera, *Zapadni slovane v praveku*, Praha, 1868; W. Boguslawski, *Dzieje słowanszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII wieku*, I—II, Poznań, 1887, 1889; W. Kętrzyński, *O słowianach, mieszkających niegdyś między Renem a Labą, Sałą i czeską granicą*, Kraków, 1899; его же, *Swewowie a Szwabowie*, Kraków, 1902.

личные имена свевов, сохраненные нам источниками, явно не германские. Так, имя первого известного вождя I в. до н. э. Ариовиста — явно фракийского типа (ср. имя современного ему фракийского вождя Бурвисты). Ариовист вместе с тем связан отношениями свойства с иллирийской аристократией Норика.

Свевский вождь начала V в., объединивший германцев, вторгнувшихся в Италию, и причинивший немало хлопот Стилихону, носит имя Rhodogast или Radagaisus, которое уже Гиббон⁸⁸ сопоставил с именем божества бодричей Радагаста — имя явно славянское. Большой интерес представляет самое имя семнонов. Их общепринятая локализация в точности совпадает с местом расселения славянского племени земчичей. Единство основы не может не броситься в глаза. Вероятнее всего видеть в древнем имени искаженное германским аффиксом имя, восходящее к имени древней польско-литовской богини земли: прусская Земинала, литовская Земина, польское Земна (Zemne) — наиболее близкие к искомой основе имени семнонов⁸⁹. Тогда понятным становится темный рассказ Тацита о мрачном культе семнонов и его роли в поддержании единства свевского союза: это культ предполагаемой прародительницы семнонов, богини земли, монополизация которого в руках семнонских вождей была одним из важных орудий их господства над окружающими племенами. Сवेва времени Ариовиста вместе с тем — лишь пришедшее из-за Эльбы славянское ядро более широкого военно-племенного союза, в котором в период его вторжения в Галлию значительную роль играют выходцы из германских племен Рейнско-Везерского междуречья — ближайших соседей Галлии. По Цезарю, Ариовист в бою с римлянами строит свое войско „по племенам, так что все племена — гаруды, маркоманны, трибоки, вангионы, неметы, седузии, свева — находились на равном расстоянии друг от друга“⁹⁰.

Из этих племен по крайней мере три — трибоки, неметы и вангионы — являются обитателями долины Рейна и, видимо, смешанными кельто-германскими племенами. Вряд ли можно сомневаться в германстве маркоманнов, до их движения в 8 г. до н. э. в Богемию локализовавшихся к югу от р. Майна. Таким образом, оставляя открытым вопрос об этнической принадлежности гарудов и седузиев, о которых ничего не известно, кроме имени и участия их в свевском союзе, из 7 племен, названных Цезарем, по меньшей мере 4 являются германскими или германо-кельтскими. В этом нет ничего удивительного. Все, что достоверно знает этнография и история о военно-племенных объединениях, синстадиальных со свевским или стадиально близких к нему, заставляет считать этническую смешанность таких объединений по существу законом их развития. В процессе их военной экспансии они втягивают в систему своей военной организации все, что может ее расширить и усилить, — как в форме присоединения к основному ядру разноплеменных добровольных или подневольных союзников, сохраняющих известную автономию, так и в форме прямой инкорпорации в состав своего собственного войска многочисленных молодых военнопленных из числа народов, через территорию которых лежит маршрут их победоносного движения, что может в конечном счете привести к полной этнографической трансформации народа-завоевателя. Так делали, по свидетельству китайцев, древние гунны. Так делали все сменявшие их в Центральной Азии военно-политические объединения кочевников⁹¹ вплоть до мон-

⁸⁸ E. Gibbon, *The History of the Decline and Fall of Roman Empire*, III, 309.— Цит. по оксфордской серии „The Worlds Classics“, 1906.

⁸⁹ А. Фамиянцын, Указ. раб., стр. 18.

⁹⁰ „De Bello Gallico“, I, 51.

⁹¹ См. нашу статью в СЭ, 1947, № 3.

голов XIII в., инкорпорировавших в процессе своих завоеваний многочисленные тюркские элементы. Так делали уже при полном свете истории основатели завоевательных варварских государств юго-восточных банту — амазулу и амандабеле (матабеле). Пожалуй, наиболее ярким свидетельством об этнической структуре такого завоевательного объединения является свидетельство миссионера Макензи, посетившего в 1864 г. ставку царя амандабеле: „почти все пожилые мужчины, виденные им в его армии, были абазанзи, т. е. кафры, уроженцы Наталя и края зулусов; затем воины в цвете лет были из различных колен бечуанов, которых Мозиликатсе покори́л в течение своего десятилетнего пребывания на территории, ныне превратившейся в Трансвааль; и, наконец, самые молодые солдаты были макалака и машоны, уроженцы водораздельной области между Лимпопо и Замбези, которая и составляет ныне королевство Матабеле“⁹².

Исходя из сказанного выше, я склонен видеть в свевском союзе результат движения на запад в начале I в. до н. э. славянских племен Эльбо-Одерского бассейна, в процессе своего наступления через заселенное уже германцами междуречье Рейна и Везера инкорпорировавших и присоединивших разнообразные германские и германокельтские элементы. После поражения римлянами и частичного отступления на восток свевы увлекают за собой часть вошедших в их состав германских племен, в том числе маркоманнов, вождю которых, Маррободу, удается на рубеже нашей эры получить эфемерную гегемонию над всем свевским союзом, включавшим во времена Марробода, по Страбону⁹³, маркоманнов, лугиев, цумов, гутонов, мугилов, сибинов и свевов—семнонов.

Здесь мы опять видим наряду с германскими маркоманнами и гутонами (вдимо, готами) славянских лугиев-лужичан и самих свевов в узком смысле слова — семнонов.

Так же я склонен интерпретировать происхождение „германских“ народностей — вандалов (вандилиев) и лангобардов. Первое имя — кельто-германизированное имя венетов~вендов. Эта этимология является общепринятой—ее разделяют даже многие решительные сторонники „немецкой школы“. Однако принятие народом-завоевателем имени своих врагов — факт, как мы видели, исторически немыслимый. Закономерно обратное. Как и свевский союз, вандальский союз должен рассматриваться в своей основе как военное объединение именно славян-венетов, в процессе своего развития инкорпорировавших многочисленные германские элементы, в конечном итоге возобладавшие в его составе (личные имена вандалов V в. в противоположность свевским — чисто германские).

Аналогична была, повидимому, и судьба лангобардов. Даваемая поздними лангобардскими преданиями этимология этого имени („длиннобородые“) — явно „народная этимология“. Браун прав, видя во второй части этого имени имя племени *Bardi*, упоминаемого Павлом Дьяконом и Гельмольдом и локализуемого на нижней Эльбе, где их древний центр *Wardowick* и поныне существует близ Люнебурга, на крайнем рубеже средневекового заэльбского славянства⁹⁴. Нет никакого сомнения, что здесь мы имеем метатезис имени позднейших славянских бодричей — ближайших правобережных соседей бардов (характерно, что Страбон, впервые упоминающий лангобардов, говорит об их обитании на обоих берегах Эльбы, т. е. включая пределы территории бодричей). Что касается первой

⁹² Цит. по Э. Реклю, Земля и люди, VII, СПб., 1901, стр. 616.

⁹³ VII, 1, 3.

⁹⁴ Браун, Указ. раб., стр. 313.

части имени Lango- оставляемой Брауном без объяснения, то я склонен видеть здесь искажение древнеславянского *lenk* → *lex* [ср. литовское название поляков ~ ляхов — *lenkas*], какими-то не вполне ясными ассоциациями связанного с лугиями-лужичанами. Гильфердинг⁹⁵ видит в обоих именах вариации близких основ со значением „луг“, „низменность“ (русск. луг, польское *łag, łąka*, лит. *lenke* — луг). Может быть, лангобарды соответственно — „Нижние“ или „Луговые (от лугового берега реки) Барды“? Характерно, что, как отмечает Браун⁹⁶, англо-саксонская традиция наряду с *Longbeardnas* знает *Neaþobeardnas* — может быть, древнее, осложненное каким-то неясным топографическим определителем (отголосок которого сохранился в имени северо-восточных соседей средневековых бодричей — хижан) имя правобережных бардов ~ бодричей.

Мы убеждаемся, таким образом, что германский элемент никогда до начала германского средневекового *Drang nach Osten* не был не только автохтонным, но хотя бы длительно оседлым на заэльбской территории. Он исторически регистрируется здесь как раз в ту эпоху, когда мы присутствуем при начале общего южного движения германских племен в сторону сказочных богатств Средиземноморья. И здесь, как и в случае с Нестором, я должен настаивать на восстановлении доверия к народным преданиям, на этот раз германским, к тому же записанным на полтысячелетия раньше славянских и рассказывающих о событиях, бывших на полтысячелетия позже тех, о которых повествует Нестор.

Все без исключения этногонические сказания германцев связывают их появление на территории континента Европы с движением с севера, из Скандинавии, с островов Балтийского моря и из Ютландии. Готское предание, переданное Иорданом, приводит и точные хронологические данные, базирующиеся на генеалогическом расчете поколений, которому, как показали многочисленные проверки на разном материале, мы можем вполне доверять. Согласно этому преданию, перемещение готов из Скандинавии к устьям Вислы произошло за пять поколений до царя Филимера, время правления которого относится исследователями ко второй половине II в. н. э., т. е. в первой половине I в. н. э. И, действительно, Цезарь ничего еще не знает о готах, впервые их регистрирует лишь Страбон (в искаженной форме „бутоны“, читай „гутоны“) в числе подданных Маробода, но никак не локализует их, и только у Тацита мы, наконец, узнаем, что они живут „за лугиями“, к югу от прибрежных племен ругиев и лемовиев. К югу от венетов (т. е. в данном случае или от вандилиев, о которых см. выше, или от тех же ругиев и лемовиев), на Висле, локализует их и Птолемей. Здесь в течение века с небольшим держится это маленькое военное объединение (основу его, по Иордану, — и мы не имеем никакого основания ему не верить — составлял экипаж трех кораблей, т. е. несколько десятков человек), постепенно усиливающееся за счет, вероятно, новых иммигрантов и инкорпорации в состав войска окружающих славян; оно ведет оставшееся никому не известным, более чем скромное существование, пока не оказывается втянутым в события маркоманнской войны и великого переселения. Данные для конструируемого немцами и нашим отечественным последователем их Ф. Брауном обширного прибалтийского готского государства I—II вв. н. э.⁹⁷ равны нулю. Небольшая военная груп-

⁹⁵ Гильфердинг, Указ раб., стр. 7.

⁹⁶ Браун, Указ. работа.

⁹⁷ „Ясно, — пишет Браун, — что земля готов обнимала восточный угол западной Пруссии, восточную Пруссию и северную Польшу, доходя на западе до Вислы, а на юге до Буга, приблизительно“ (стр. 29). И все это на основе девяти слов Птолемея (а по-русски — всего шести!), гласящих, что „за рекой Вислой ниже венедев — готоны!“

пировка, играющая ничтожную роль в этническом составе населения Повисленья, не оставившая археологических следов и бесследно исчезающая отсюда, когда перспективы грабежа увлекают ее на юг, — вот что представляет на этом этапе своей истории, да и на позднейших этапах „готская держава“.

То же, видимо, надо сказать и о западных сотоварищах готов — бургундах. Как готландцы — готы, так и островитяне Борнгольма — бургунды вторгаются, на этот раз по Одере, в этнически чуждую им среду и так же быстро, с незначительными задержками, уходят из нее на юг, чтобы влиться в германское наступление на этот раз против Западной империи. Союзов племен, подобных свевскому и лангобардскому, ни готы, ни бургунды на славянской территории не создают, их корни здесь явно слишком слабы для такой роли. И те и другие выдвигаются, лишь попав в общий поток германского движения против Империи, развязанного Маркоманнской войной.

Так обстоит дело с германцами на славянской территории. Но если мы присмотримся к событиям, происходившим к западу от Эльбы, мы увидим во многом сходную картину. Гораздо более близкие ко времени событий, чем Иордан, почти современные источники единогласно выводят первых более или менее достоверных германцев, появляющихся на арене истории, — кимвров (в которых, впрочем, по всем данным, надо видеть продукт весьма сложного кельто-германо-иллирийского скрещивания) и тевтонов из „Кимврского Херсонеса“ — из Ютландии, с „берегов Океана“. В известных римлянам областях междуречья верхней и средней Эльбы и Рейна — это явно недавние пришельцы, движение которых производит на население впечатление катастрофы.

Все это позволяет прийти к выводу, что до конца II в. до н. э. территория германцев ограничивалась Ютландией, Фрисландией, дельтой Рейна, и, может быть, лесными районами между нижним Рейном и Везером. На севере она охватывала южную оконечность Скандинавии и часть островов Балтийского моря⁹⁸. В основной массе, за исключением высокообразованных кимвров Ютландии, это были крайне отсталые, прибрежные, в значительной части охотничье-рыболовные племена, поверхностно индоевропеизированные под воздействием соседних кельтов и протославян (название кимвры — явно иллиро-фракийского происхождения и представляет вариант имени фракийских киммерийцев)⁹⁹.

Все, что мы знаем о древних германцах как по свидетельствам античной этнографической литературы, так и из археологических данных, позволяет утверждать, что на интересующее нас время падает в этом отсталом уголке Европы бурный переход от оседлости и примитивного земледелия и рыболовства к полукочевому экстенсивному скотоводству, порождающему потребность в расширении пастбищных угодий, весьма затруднительном в суровых условиях побережий

⁹⁸ Эта территория очень не намного меньше ранне-средневековой территории расселения германских народов до завоевания немцами славянских земель за Заалем и Эльбой. В сущности, в раннем средневековье к очерченному выше ареалу надо прибавить лишь юго-западную Германию, юго-западную Англию и более северные области Скандинавии.

⁹⁹ К выводу об очень ограниченной территории расселения германцев до II в. до н. э. приходит и К. Кун (The Races of Europe, N. Y., 1939, стр. 202). Однако, как мы видели, нет никаких оснований для заселения германцами „северной береговой полосы Германии от устьев Эльбы по балтийскому побережью“, как это делает Кун. О слабой степени индоевропеизации германцев и резко выраженных в германских языках чертах не индоевропейского субстрата см. в работах И. Тэйлора (Происхождение арийцев, М., 1897, стр. 231), Мейе (A. Meillet, Caractères généraux des langues germaniques, Paris, 1930, особенно стр. 17, 23 и др.), а также из новейших работ — Н. Ниберта, The rise of the Celts, London, 1934; С. Сооп, Указ раб., стр. 203.

океана и непроходимых лесов. В этом надо видеть основную причину широкого движения континентальных германских племен в конце II—I в. до н. э. на юг (прежде всего, вдоль Рейна и Везера), а также на запад и на восток. На славянской территории германцы появляются по крайней мере на столетие позднее, чем на территории Галии и Италии.

IV. Термин «славяне»

Термин „славяне“, как установлено Н. Я. Марром¹⁰⁰, взгляды которого получили развитие в трудах А. Д. Удальцова¹⁰¹, впервые зарегистрирован в V в. в западно-скифском мире в виде самоназвания восточноевропейских скифов — сколоты от основы *skol* + зубной аффикс множественности *t*, в имени славян заменяемый губным однозначным аффиксом *ʒ* → *v* ~ *b*. Как мы видели, в I в. до н. э. он зарегистрирован в Эльбо-Одерском междуречье, дойдя до нас в форме *svebi* ← *sla ʒi*. Есть все основания полагать, что этот термин скифо-фракийского диалекта Поднепровья проник в „северноиллирийскую“ (венетскую) среду вместе с археологически зарегистрированным скифским влиянием первых веков до н. э., создавшим все лингвистические предпосылки для завершения славянского глоттогенеза. Как установил А. Д. Удальцов, в I—II вв. н. э. этот термин с тем же искажением в формах *svebi*, *svobeni*, *stavanoi* регистрируется и на востоке Европы. Однако вплоть до V в. н. э. бытование этого термина мало отмечается источниками, несмотря на его территориально широкое распространение. Он, видимо, остается малоизвестным, оттесняясь на второй план более локальными этническими именами, как венеты, лугии и т. д., или старыми собирательными терминами, как сарматы и германцы. Лишь в VI в. этот термин получает чрезвычайно быстрое распространение на всей территории позднейшего славянства, появляясь повсюду как *deus ex machina*, создавая впечатление какой-то гигантской этнографической катастрофы, находящейся в прямом противоречии с объективными показаниями источников, не регистрирующих, за исключением непосредственной территории восточно-римских владений, никаких существенных этнических передвижений. Для того чтобы понять этот факт, нельзя не отвлечься несколько в сторону общих проблем методологии этнонимических исследований.

Методология исследования семантики этнонимов по существу находится в самом плачевном состоянии. Постоянно приходится сталкиваться с этимологиями, при создании которых авторы совершенно не считаются со смыслом, вкладываемым ими в исследуемое имя, лишь бы удалось установить тождество звукового состава этнонима с любым оказавшимся подходящим словом того или иного языка. Одним из ярких примеров, в подлинном смысле слова „диких“ с точки зрения не столько „фонетических законов“ (под которые вся предлагаемая чепуха подгоняется по всем правилам искусства), сколько элементарного здравого смысла, являются „германские“ этимологии древних этнонимических терминов Центральной Европы, принадлежащие перу „классика“ немецкой историко-этнографической школы

¹⁰⁰ Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, Избр. соч., стр. 63, его же, По поводу русского слова „сало“, там же, стр. 98. Позднее Марр выдвинул другую этимологию, связанную с попыткой дешифровки имени при помощи „четырех элементов“ (АВ), но как и многие этимологии, базирующиеся на этом принципе, она мало убедительна.— См. Н. Я. Марр, Скифский язык, там же, стр. 196.

¹⁰¹ А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, СЭ, VI—VII, стр. 6.

Муха, на которых в сущности и зиждется вся „общепринятая“ историческая география этих областей. Так, муховская „германская этимология“ имени лемови оказывается: „слабые“, „вялые“, турцилинги — „тяжко больные“, марсинги — тоже „слабые“, бастарны — „ублюдки“, сулоны — „грязные“, „неопрятные“¹⁰². Прямо не страна, а какое-то „богоугодное заведение“.

Не говоря уже о подобных Муху (из которого его соотечественники, однако, „сделали слона“) экземплярах, но и у серьезных и добросовестных ученых мы нередко встречаемся с ничем абсолютно не оправданными словопроизводствами, показывающими, что, как правило, исследователи не отдают себе отчета в том, что этнонимика имеет свои семантические законы, отнюдь не менее важные и непреложные, чем законы фонетические, под которые, если, по методу Муха, не считаться со смыслом, можно подогнуть, что душе угодно.

Не имея возможности остановиться здесь на этом сюжете подробно¹⁰³, я должен отметить, что, как правило, собственные имена разных рангов генеалогического членения первобытной народности (род, фратрия, племя, объединение или союз племен или комплекс хотя и не связанных организационно, но осознающих свое родство племен) имеют разную семантику, причем из этих делений названия родов являются тотемическими, территориальными, иногда характеризующими внешние признаки человека, наконец, восходящими к собственным именам. Названия племен чаще всего не могут быть этимологизированы из языка, на котором говорят члены племени, и требуют палеонтологического анализа. Названия фратрий либо также, и очень часто, не имеют прямой этимологии, либо имеют в основе тотемные, топографические или цветовые признаки, причем характерна их парность („верхние“ и „нижние“, „черные“ и „белые“ и т. п.). Названия объединений или совокупностей племен очень часто имеют этимологию в живых или архаических формах данного языка. И так как объединение племен на поздних этапах родового строя связано прежде всего с военными целями („военная демократия“ Энгельса), то эти имена очень часто совпадают с названием возрастного класса молодых неженатых воинов, составляющего наиболее важную и активную силу каждого племени и их объединения. Эту закономерность нам удалось установить на тюркском материале, доказав, как нам кажется, что термин „тюрк“ имеет именно указанное первоначальное значение, не утраченное еще в самих тюркских языках¹⁰⁴. Установление К. В. Тревер той же семантики древнеиранского термина *rapna* (бывшего в этой же форме этнонимом одной из древних народностей южной Туркмении)¹⁰⁵ позволяет подойти к семантике широко распространенного в Иране и Средней Азии круга имен с этой же основой *par* (*Parsa*, *Parsua*, *Pathava*, *Parhana*, *Paretakena* и т. д.) и, по всей вероятности, и древнего скифского *Paralatai*, цепь от которого через легендарных „споров“ и „спалов“ к славянским полянам блестяще восстановил А. Д. Удальцов¹⁰⁶.

В крайне скрещенной этнической среде, каковой являлись славяне, конечно, бытовал не один термин с этим значением. Среди этих тер-

¹⁰² Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, hrsg. v. Paul u. Braune, XVII, 1892, стр. 37, 112, 116, 190 и др.

¹⁰³ Я предполагаю этому методологическому вопросу посвятить специальную работу, для которой подобралось уже не мало материалов.

¹⁰⁴ С. П. Толстов, К истории древнетюркской социальной терминологии, ВДИ, 1938, № 1.

¹⁰⁵ К. В. Тревер, Иранский термин *rapna*, ИОИФ, 1947, № 1, стр. 73 и сл.

¹⁰⁶ А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, СЭ, VI—VII. Не исключено, что отсюда и наше Пълкъ и германское Folk.

минов нужно, мне представляется, искать и семантические связи слова „славяне“. На это указывает и приводимая ниже яфетически-скифская семантика его основы; „дети“, „отроки“, „молодые“¹⁰⁷. И здесь не может не броситься в глаза несомненная его близость с общеславянским словом „человек“, совершенно параллельным по звуковому составу со словацкой формой единственного числа от „словене“ — „словак“.

Начальный консонант архетипа, видимо восходящего еще к предскифской яфетической речи, можно гипотетически восстановить как придыхательный *šx (šq яфетической транскрипции), давший ряд: šk, sk, š, s, x, отражающий различную еще на яфетической почве племенную артикуляцию, откуда: „челов(ек)“, слав(яне), серб, храб(р), хлоп(ец) (от *хлан) — ряд, подчиненный законам частью еще яфетических, частью индоевропейских (ср. сармато-иранское г||l) и специфически славянских (s||x) звуковых соответствий. В яфетическом архетипе термина *skol*+ot~*skla*+b, наиболее адекватную форму которого Н. Я. Марр видит в мегрельском *skwa* ← **squal*+oφ ← *skol*-op со значением „сын“+ мегр. показ. множественности — соответственно: „дети“, — параллели чему он находит и в сванском и чанском с тем же значением и, в производных образованиях, — в армянском с предполагаемым значением „молодые“, „отроки“¹⁰⁸. „Человек“ резко выпадает из системы индоевропейских терминов семантического гнезда: „человек~люди“, полностью представленного в славянском *мжжъ, жена*. Вхождение его в состав славянского корнеслова может быть объяснено лишь особой присущей ему семантической нагрузкой, раскрываемой его местом в приведенном выше ряде. Уже А. И. Соболевский указал на „Сьрб, пасьрбъ — пасынок, с одной стороны, и на ц.-сл. *храб-ъръ* — витязь, герсй, др.-р. *хоробъръ*; с другой. Первые два слова родственны лат. *servare, servus* со значением: оберегать, охранять, сторож и, по нашему мнению, первоначально имели значения: оберегатель, человек, годный для оберегания“¹⁰⁹, в семантическом архетипе — „член возрастного класса воинов, охраняющего границы племени“. Отсюда и также отмеченный Соболевским, по связи с первым, ряд: „слабъ, р. *слобода* — свобода и *слобода* — поселок вне города“¹¹⁰, в семантическом архетипе — „поселок возрастного класса неженатых воинов на границе племени“, аналог зулусского или масайского „военного краля.“

Бытуя как нарицательное имя, как социальный термин, уже с предскифской эпохи, интересующее нас слово временами фиксируется источниками как этноним для отдельных частей области его распространения: сколоты Геродота, свебы Цезаря и Тацита, суобены, ставаны, а рядом и сербы Птолемея. Но в определенный период, несомненно, хронологически близкий ко времени широкого появления этого имени на страницах писанных источников (т. е. незадолго до середины I тысячелетия н. э.), он становится вдруг собирательным названием всей совокупности славянских племен от Салы до Ильмена и до Дуная. Историческая предпосылка этой трансформации понятна: именно в эту эпоху начинается подготовленное кризисом Империи массовое военное наступление славян на восточноримские границы, в процессе которого основным носителем политического единства наступающих славянских варваров становится войско, базирующееся

¹⁰⁷ Н. Я. Марр, Термин Скиф. Избр. соч., V, стр. 23—24.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Соболевский, Указ. раб., стр. 323.

¹¹⁰ Там же.

еще на традициях архаической возрастной организации¹¹¹, но втягивающее всю народную массу родственных и союзных племен по обе стороны Limes'a. Все становятся славянами, потому что все становятся воинами.

Характерно при этом, что как этноним в собственном смысле слова, как имя отдельных славянских народностей, термин *славяне* закрепляется там, куда была направлена активность общеславянских военных объединений: на аванпостах славянства, на границах славянской территории: в Словении, Словакии, у македонских славян, у новгородских словен и в форме *серб* на берегах Заалья и на западных Балканах. Так традиция первобытности продолжает жить в средние века — славяне, „прозванные именем своим“, остаются „хранителями границ“ славянства.

V. К вопросу о происхождении дунайских романцев

При исследовании происхождения романских народов бросается в глаза одно очень существенное, но не привлекающее почему-то до сих пор должного внимания обстоятельство: ареал современного распространения романских языков в точности совпадает с ареалом распространения кельто-италийских языков в раннеримский период. Единственным исключением, если не считать отдельных изолированных групп не-кельто-италийских народов в пределах самой Италии, южной Франции и Испании, со всех сторон окруженных кельтами и италикками и не имевших в условиях римского владычества перспектив самостоятельного этнического развития (этруски, лигуры, венеты, мессапы, греки в Италии, лигуры во Франции, иберы в Испании), являются балканские романцы: румыны, молдаване, аромуны. Ни в одной другой не-кельтской части Империи, где в римское время влияние римской культуры, римская колонизация — военная и городская — ничуть не уступали таковым в римской Дакии, не сложилось романских народов. Я не говорю уже о Греции и Малой Азии, где греческие культурные традиции успешно противостояли оставшейся для греков полуварварской римской культуре, или Египте и Сирии, где также римской цивилизации противостояла своя, во многих отношениях более высокая. Но и такие сильно романизированные области, как Северо-Западная Африка, тот же Норик, Паннония и Иллирия в узком смысле слова или прирейнские западногерманские области, оказались невосприимчивыми к романизму, сохранив свою древнюю речь или сменив ее иной, нероманской речью. Характерно при этом, что в континентальной Европе не сохранилось ни одного кельтского языка (бретонцы — относительно поздние эмигранты из Британии, бежавшие в Арморикку от германских завоевателей в послеримское время). Все кельтские языки стали романскими.

Эта закономерность не случайна. Она, бесспорно, определяется значительной структурной и материальной близостью кельтских языков и языков италийских (соответственно — латинского), делавшей невозможным длительное состояние двуязычия, создавшегося в условиях римского владычества и неизбежно ведущего к слиянию параллельно бытующих языков с доминантой языка господствующей народности — языка государства, литературы, впоследствии церкви. В условиях резкого различия государственного литературного языка или языка церкви и народного языка они могут, теоретически рассуждая, сосуществовать бесконечно: латынь была единственным

¹¹¹ Ср. Маврикий, XI, 5: «... их молодежь, будучи легковооруженной, выбирая удобный момент, из засад нападает на наших воинов...»; ср. ВДИ, 1941, № 1, стр. 256.

литературным и церковным языком Венгрии в течение почти тысячелетия, отнюдь не приведя к превращению венгров в романцев. Романизация Туниса оказалась невозможной. Напротив, арабизация и берберов Северной Африки и населения Египта, в условиях структурной и материальной близости семитских и хамитских языков, осуществилась сравнительно быстро, в то время как многовековое господство арабов в Иране и Средней Азии и еще более длительное господство здесь арабского языка, как языка науки и религии, не привело к арабизации населения. На Северном Кавказе, в Дагестане арабский язык был единственным литературным языком вплоть до XIX в.; крайняя раздробленность дагестанских языков, казалось бы, обуславливала особо благоприятные предпосылки для создания некоего койнэ на арабской основе, но этого не произошло.

Это заставляет задуматься над вопросом о причинах возникновения того исключения из общего процесса истории развития романских языков, который представляет история дунайских романцев. Как давно доказано, румыны, молдаване и мелкие группы балканских романцев исторически являются продуктом очень сложного и относительно позднего скрещения, в котором количественно вряд ли не ведущую роль играет славянский элемент, давший около половины корней в языке и наложивший печать на фонетику и синтаксис языков дунайских романцев. Романский элемент, давший общую окраску языка, обычно связывается здесь с ролью в этногенезе дунайских романцев романизированного дакийского населения¹¹². В свете изложенного это мало правдоподобно. Поверхностная романизация не могла предотвратить здесь того, что произошло с другим, родственным пришедшим с севера славянским племенем, населением Подунавья и Балкан.

Мне думается, что в тексте Нестора мы найдем ключ к разрешению и этого вопроса. Волохи несторова рассказа о вторжении на Дунай утров явно воспринимаются летописцем как прямые потомки тех древних волохов, которые в незапамятные времена привели в движение дунайских славян. Конечно, можно сослаться как на источник такой трактовки на ономастическое притяжение. Но остается необъяснимым само происхождение имени: о заимствовании из германского, как мы уже видели, говорить нет никаких оснований.

История нижнедунайских областей позволяет с уверенностью утверждать, что кельтский элемент здесь, как и в Галатии, сохранился в течение многих веков обособленно от местного населения. Прав, я думаю, А. Д. Удальцов¹¹³, видя вслед за Томашеком и Тихановой в основном кельтскую, или кельто-иллирийскую народность в бастарнах. Не говоря уже о единогласном свидетельстве всех ранних источников¹¹⁴, сама форма имени их *Basternae* (ср. *Arverni*, *Daleterni*) явно кельтская, как по-кельтски звучит и одно из трех известных нам бастарнских личных имен — *Clondicus*¹¹⁵.

Мы имеем, таким образом, зарегистрированное для I—II вв. н. э. наличие сохранившего свою этническую и языковую обособленность, хотя и смешавшегося в какой-то мере с окружающим фракийско-сарматским населением, кельтского этнического ядра на Нижнем Дунае. Прочное освоение римлянами территории Дакии, естественно, не могло

¹¹² Точка зрения, впервые высказанная, насколько нам известно, в работе J. Thunpаnп, *Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker*, Leipzig, 1774, и сейчас являющаяся господствующей. Историю вопроса см. у M. Ruffini. *Il problema della romanità nella Dacia Traiana* (*Studio storico-filologico*), Roma, 1941, стр. 17 и сл.

¹¹³ А. Д. Удальцов, *Племена Европейской Сарматии*, СЭ, 1946, № 2.

¹¹⁴ Анализ источников см. у М. А. Тихановой, *МИА* № 6, стр. 271—272.

¹¹⁵ Кельтскую форму этого имени вынужден признать и Браун вопреки своему упорному стремлению доказать германство бастарнов. — См. его «Разыскания...», — стр. 112, прим. 3.

не привести к романизации этих кельтских реликтов великого нашествия волохов. Напротив, движение славян встретило в их лице менее восприимчивую среду, чем в лице дакийцев, сохранивших свой древний язык, родственный славянскому. Конечно, значительная часть их, вероятно, также славянизировалась, но горные группы Трансильвании сохранили свою кельто-романскую речь, история развития которой до вторичного „нашествия волохов на славян“ в XIII—XIV вв. н. э., когда эти сравнительно немногочисленные, но воинственные горно-пастушеские группы, уже и до того сильно славянизированные, спустились в Нижнедунайскую равнину и, объединив под своей властью местные славянские племена, слились с ними, положив начало современным румынской и молдавской народностям.

Дакийский элемент, бесспорно, является количественно преобладающим древним пластом в этногенезе румынского и молдавского народов, но он вошел в их состав преимущественно через славян, дважды (в раннем средневековье в Трансильванских долинах и в XIV и в последующих веках — в долине нижнего Дуная и Днестра) влившихся в их состав, дав более 40% материального состава языка, его фонетические и ряд морфологических особенностей, общих в дунайско-романских, балкано-славянских и албанском (постпозитивный член и др.). Но романский пласт дали, конечно, не римские солдаты и, по всему судя, не „романизованные даки“. Его истоки надо искать в романизации потомков тех уже крайне скрещенных, но сохранивших традиции кельтской речи¹¹⁶, групп которые выступают в начале нашей эры в лице кельто-иллиро-фрако-сарматских бастернов; певкинов, бритологов. Конечно, это не более как гипотеза. Эта проблема требует специального историко-этнографического исследования, не входившего в наши задачи, и без того достаточно широкие. Но поиски в этом направлении необходимы, ибо римско-дакийская теория также всего лишь гипотеза, исторически мало отвечающая тем общим закономерностям этно- и глоттонического процесса, которые мы попытались охарактеризовать выше.

Заключение

Нам осталось подвести итоги. Я думаю, мы имеем полное право считать, что сказание Нестора о начале славянства может быть реабилитировано. Конечно, оно не должно восприниматься буквально. Народные этногонические сказания имеют свои законы развития, и им в большой мере присуща та восходящая к родовым генеалогиям тенденция, которая нашла свое отражение и в Библии и в этногонических концепциях индоевропейстики. Безусловно, речь не может идти о „дунайской прародине славян“, о „расселении славян с Дуная“ в такой же мере, как не может быть речи и об их расселении с Припяти, из области лужицкой культуры¹¹⁷ или с среднего Днестра¹¹⁸. Любая из этих точек зрения односторонняя в своей исключительности, хотя в каждой из них есть свое зерно истины — убедительно устанавливаемый их авторами и защитниками факт неразрывной исторической связи раннесредневековых славян с древним населением каждой из этих территорий.

¹¹⁶ Среди вероятных реликтов кельтской фонетики в дунайско-романских можно указать на *qu* → *r*, переход, одинаково характерный для значительной части кельтских и для дунайско-романских.

¹¹⁷ К этой точке зрения склоняется современная польская историческая этнография. Ср. Т. Lehn-Splawinski, *O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian*, Poznań 1946, стр. 95 и сл.

¹¹⁸ Эта точка зрения, восходящая еще к Хвойко, дает себя чувствовать и в последних работах А. Д. Удадьцова. Ср. СЭ, VI—VII, стр. 7—9.

Этногонический ареал славянства охватывает всю или почти всю территорию их раннесредневекового расселения — от Эльбы до Дона. Но сказание Нестора зафиксировало один из важных узловых моментов славянского этногонического процесса, прочно врезавшийся в память отдаленных потомков и сохраненный ими на протяжении полутора тысячелетий, — крушение одной из протославянских цивилизаций ранней античности, цивилизации галльштатско-илирийской, под ударами кельтского нашествия и широкую эмиграцию нурско-нервских илирийских племен на север и на восток, где в скрещении с другими протославянами они стали одним из важных элементов славянского этногенеза.

Теория Шафарика и галльштато-славянская теория Ванкеля должны быть извлечены из забвения и введены на новой основе в научный оборот. Восточный классический галльштат стоит у истоков славянской культуры так же, как у ее истоков стоит блестящая западноскифская цивилизация и „северноилирийская“, в своих ранних формах являющаяся одним из источников галльштата, лужицкая культура.

Хотелось бы, чтобы наша статья привлекла внимание археологов, филологов и этнографов к проблемам галльштато-славянских и илирийско-славянских связей. То, что намечено выше, — в значительной мере первые сигналы, дающие право на постановку вопроса. Галльштатские традиции в материальной культуре средневековых и современных славян должны стать объектом таких же пристальных исследований, какими стали дако-сарматские и скифские традиции в культуре восточного славянства. Исследование остатков илирийской речи должно перестать быть монополией немецких, французских и англо-американских исследователей — индоевропеистов. Советская лингвистическая наука, вооруженная самым передовым методом должна сказать здесь свое веское слово, как сказала она его в области фракийско-славянских и скифско-славянских отношений.

И если наша статья даст толчок в этом направлении, то, как бы ни отнеслась научная критика к отдельным нашим выводам, мы будем считать свою цель достигнутой.